

СЕРГЕЙ НЕТРЕБА-ЗАЛЕССКИЙ

МАСТЕР СНОВИДЕНИЙ

Сергей Нетребба-Залесский
Мастер сновидений

«Издательские решения»

Нетребба-Залесский С. Г.

Мастер сновидений / С. Г. Нетребба-Залесский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850333-7

Теория о параллельных Вселенных как и теория существования Бога не имеет достаточно весомых аргументов «за», равно как и достаточных аргументов «против». Можно было бы сказать, что каждый вправе верить в то, что ближе и понятней лично ему, но почему же тогда раз за разом мы погружаемся в сны и проживаем в этих снах совершенно разные жизни, зачастую не имеющие к нам никакого отношения за исключением того, что в этих снах мы принимаем самое деятельное участие?

ISBN 978-5-44-850333-7

© Нетребба-Залесский С. Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Сон 1	7
Сон 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мастер сновидений

Сергей Геннадьевич Нетреба-Залесский

Мастер Сновидений

«...Мне чудится, что ночь-зияющий провал,

И кто в неё вступил-тот схвачен темнотою.

Сквозь каждое окно-бездонность предо мною.»

Ш. Бодлер «Пропасть»

© Сергей Геннадьевич Нетреба-Залесский, 2017

ISBN 978-5-4485-0333-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Тяжкий монотонный гул ворочается внутри черноты бесконечного коридора рассеченного на куски пятнами ржаво-гнойного света липкой слизью падающего сверху, из переплетения позванивающих и шелкающих от вибрирующего напряжения труб. Серые колонны слились в плоскость в своей безликости и таят за собой НЕЧТО, ужасное и уродливое НЕЧТО, томительно-медленно ворочающееся во тьме, сопящее, чавкающее и жадно вздрагивающее НЕЧТО. Сгорбившись и еле волоча ноги, он обессиленно бредет по беззвучно хлопающим маслянистой чернотой лужам и тяжкий гул окружает его. Гул живет в нем своей, отдельной жизнью, и он с ужасом осознает, что из-за этого гула не может услышать как НЕЧТО подкрадывается к нему. Впереди пятно света. Он стремится к свету, он как ночное насекомое, его путь-спираль, бесконечная спираль, стремящаяся, но так и не обращающаяся в точку. Движения хлопающих по маслянистой жиже ступней-циклоида, серия моментальных снимков нанизанных на прямую, снимков, выхваченных из темноты магниевыми вспышками и тянущихся из ниоткуда! Эта прямая неотвратима, она толкает его на освещенное пространство, где ржавые трубы шевелятся как черви, огромные безжалостные черви, каждый из которых пышет сухим жаром и способен проглотить его целиком. Он упирается, он не хочет оказаться в этом пятне света как беспомощный жук, пришпиленный в коробке безжалостной булавкой коридора к шероховатой пластине перспективы тьмы, уходящей в никуда. Свет опасен! Коварный свет выделит его из окружающего мрака, он укажет на него роковым перстом и тогда он будет узан, он проявится как тени на фотобумаге и это будет конец, потому что он будет увиден и тем самым обречен, ибо безглазый удушливый ужас, чудовище, имя которому-НЕЧТО, набросится на него из мрака и утащит за собой, в свой мир, уродливый и причудливый, мир, в котором обычная, повседневная логика исчезнет, перестанет существовать, выродится в свою абстрактную противоположность, в чудовищную непристойность. Шаги мучительны в своей резиново-тягучей медлительности и шипит в трубах перегретый пар. Вздрагивают трубы, вздрагивают колонны. Шаг, еще один и еще... Липкие потеки ржаво-гнойного света пачкают ладонь, прилипают к ней паутинными нитями жевательной резинки растоптанной на раскаленном асфальте. Он пытается стереть эти потеки, он лихорадочно трет ладонь об себя, но свет не стирается, он только еще больше размазывается по нему, он весь покрыт отвратительно липким светом и омерзительная тошнота подкатывается к горлу. Быстрая тень рождается во мраке за его спиной, неуловимая, как рябь на воде, тень, смещающая предметы, стоит только чуть отвлечься, чуть сместить зрение и колонны, насмешливо кривясь, оказываются совсем не там, где только что были. НЕЧТО вытягивает свои липкие щупальца из мрака и он бежит, бежит изо всех сил. Качается над головой жестяной колпак, шипит и потрескивает темнота между серых столбов и из них тянутся бескостные серые руки. Жадные пальцы извиваются как черви, они уже рядом, они скользят по нему, цепляют его бесчетными крючьями и он, сам извиваясь словно червь, пытается оторвать их от себя, но на месте оторванных тут же вырастают новые, они растут из его тела, они его продолжение и он понимает, что он сам и есть то НЕЧТО, от которого пытается скрыться! Хлопают под ногами и разлетаются в стороны бетонные колонны и гнойная желтизна ламп под жестяными колпаками косо летит куда-то вниз, а он все бежит и бежит, оставаясь на месте, ибо здесь некуда бежать, здесь нет направлений и исходов и путь ведет из ниоткуда в никуда через липкое пятно света, в котором он пригвожден булавкой коридора к шероховатой поверхности мрака...

Сон 1

Разведчик

*... -Я больше не могу! О, если б, меч подняв, Я от меча погиб!
Но жить-чего же ради
В том мире, где мечта и действие в разладе!
От Иисуса Пётр отрёкся... Он был прав...*

III. Бодлер «Мятеж»

Он вынырнул из глубины кошмара и чувствуя тупую, тянущую боль за грудиной, приоткрыл глаза. Взгляд упёрся в мутную белизну потолка. Лихорадочное тиканье будильника заглушало звуки, доносящиеся с улицы и он, все еще находясь под впечатлением своего кошмарного сна, затаенно сжимался и корчился под бетонной гибкостью одеяла. Он напряженно вслушивался в лихорадочное стрекочущее тиканье пытаясь услышать что-то, что притаилось в полумраке и сейчас угрожало ему. Смутный, необъяснимый страх, мучительный как зубная боль, зудел внутри, заставлял судорожно сучить ногами и стискивать край одеяла, он жил внутри, этот мучительный страх, он сжимал сердце маленькой мокрой, холодной когтистой лапкой. Это ощущение было невыносимо, оно было как действие кураре и он, преодолевая иррациональный ужас перед полумраком спальни, наконец-то выпростал руку из-под одеяла и включил свет. Будильник поперхнулся и томительные пульсы стукнули молоточками в виски. Не в силах более терпеть эту пытку, он вскочил с постели и бросился к окну.

Руки тряслись и он судорожно царапал ногтями шпингалет, пытаясь открыть створку, но пальцы срывались и от этого ему становилось ещё страшнее, потому что НЕЧТО было рядом, оно ползло к нему из ванной комнаты, поднималось зловонным пузырьём из унитаза, сопело и ворочалось за холодильником на кухне и он должен был распахнуть это проклятое окно, впустить в дом шум и прохладу улицы и тем спастись от ночного кошмара, убежать от него.

Наконец створка поддалась и окно, жалобно и протестующее звякнув, наконец-то распахнулось. Утро, прекрасное осеннее утро, немножко хмурое и сумеречное, бодряще свежее и чуть-чуть припахивающее горчинкой опадающей листвы. Какой разительный контраст с его просоночным бредом. Он молча смотрел в распахнутое окно и чувствовал, как ночные страхи торопливо прячутся в склеп подсознания. Он усмехнулся. Здесь, при виде деревьев мягко впечатанных в приглушенную сумрачность затянутого дымкой неба, еще почти зеленых и только кое-где помеченных быстрыми акварельными мазками желтого, багряного и карминного цветов, деревьев, проявляющихся робко и стыдливо, как будто женщина, возвращающаяся под утро домой, к семье и нелюбимому мужу, его ночные страхи стали несущественными, неважными, их ирреальность резко контрастировала с миром и ему стало чуть легче.

Ноги начали мерзнуть, и он, опустив глаза, с недоумением увидел, что стоит босиком. Пошевелив пальцами, он стыдливо усмехнулся и взялся было за ручку фрамуги, но тут же отдернул руку, с удивлением поймав себя на мысли, что он боится, просто-напросто боится повернуть ручку и отойти. Тишина и одиночество, что притаились в сонной тишине комнаты, пугали его, они были коридором, в конце которого была вечно запертая дверь, серая и пыльная, заросшая тенетами паутины, дверь, которая никогда не открывалась, потому что она не могла открыться, это было бы противоестественно, если бы она открылась, и вот, ему показалось наверное, но эта дверь вдруг скрипнула и ржавый ключ с затейливой бородкой со скрежетом повернулся в замке.

Растерянно оглянувшись, он осторожно отступил от окна и, с опаской поглядывая на кусочек коридора насмешливо пялящийся на него в дверной проём, попятился назад, к кро-

вати. Ничего не закончилось. НЕЧТО притаилось за дверью, оно тихонько сопело и разевало слюнявую пасть ожидая его. И вдруг в приоткрытое окно вкатился вой сирены. НЕЧТО притихло, испуганно сжалось и отпрыгнуло от двери. Надрывный вой во дворе оборвался. Выглянув в окно, он увидел «Скорую», которая остановилась возле его подъезда. Хлопнула дверца и хмурый, усталый доктор, в сопровождении молоденькой фельдшерицы, вошёл в подъезд, шаркая подошвами. Он смутно, как бы внутренним слухом, слышал шаги на лестнице, усталые, тяжёлые шаги, которые поднимались к нему из какой-то другой, задверной жизни, жизни, на пути к которой ему надо было проскользнуть мимо НЕЧТО, мимо своего ночного кошмара.

Дверной звонок ударил его бичом. Он буквально подпрыгнул от неожиданности. Шлёпая босыми ногами он подошёл к входной двери и помедлив мгновение защёлкал замками. На лестничной клетке слышалось сопение и топтание, потом вроде кто-то зевнул, отчаянно раздирая рот, и он, помедлив мгновение, рывком открыл дверь. Хмурый, усталый доктор проявился в поле зрения, молча отстранил его со своего пути и шагнул через порог. Стас попятился.

– Так, -неприятно сказал доктор.-И что же у нас случилось?

– У нас? -Стас удивленно посмотрел на доктора, из-за плеча которого испуганной мышкой выглядывала фельдшерица.-С чего это вы взяли? -Холод поднимался от ступней вверх и он опустил глаза.-А вообще-то да, случилось! Я, -он растерянно улыбнулся и тут же обругал себя мысленно за эту глупую, никчёмную растерянность, -забыл обуться! -Он поднял глаза, полные тоски и неожиданно натолкнулся на цепкий, отчуждённый взгляд.

– Бывает, -сочувственно произнес доктор и отвёл взгляд.-Кстати, может всё-таки позвольте пройти? А то прихожка у вас крохотная, как-то неудобно беседовать. Да и ноги у вас, видать, мёрзнут. Я вот тоже, вроде бы как сторонник здорового образа жизни, но всё-таки предпочитаю домашние тапочки! Студить ноги-ничего хорошего нет. Со здоровьем-то поосторожней надо, поосторожней... С возрастом это понимаешь.

– Нет-нет, -Стас потряс головой, -При чём тут возраст, простуда...

– Вот и я о том же, -миролюбиво сказал доктор и как-то незаметно продавил Стаса из прихожей в спальню. Окинув обстановку оценивающим взглядом, доктор покачал головой.-Мда... Вовремя мы, вовремя. Можно сказать, суицидик предотвратили. Верно? -Он оглянулся на фельдшерицу и та послушно кивнула.

– Чёрт, -Стас потёр лицо ладонью. Трёхдневная щетина кольнула руку.-Это совсем не то, о чем вы подумали! Мне снился кошмар, это было ужасно, что-то хотело меня растерзать! Я еле-еле убежал от него... Хотя, впрочем, это неважно.

– Меня вот тоже кошмары мучают, -доктор ловко оттеснил Стаса от двери.-Особенно если учесть, что этот вызов у меня уже пятнадцатый за сутки и до конца дежурства ещё целых четыре часа. Такие кошмары, что прямо аж жуть берет! Я так думаю, что это всё от нервов. Все болезни от нервов! -Он назидательно поднял вверх палец.-Именно, ВСЕ! -Пристально посмотрев на Стаса, он, без всякого перехода, напористо спросил:-Сколько дней, как пить бросили?

– Я? -Стас удивлённо посмотрел на доктора.

– Вы, вы, любезнейший, -мило улыбнулся доктор.-Не я же.

– Но, -Стас недоумённо развёл руками, -с чего вы вообще это решили?

– Да ладно, полноте вам, -улыбка не сходила с лица доктора, -Деньги-то, надеюсь, не все просадили? Всего-то четыре пятьсот и прокапаем вам сейчас гемодезик, реланиум внутривенно сделаем... Все кошмары куда как денутся!

– Чёрт! -Стас крепко потёр ладонями лицо и упёрся взглядом в глаза доктора, которые лучились притворным сочувствием.-Вы адресом не ошиблись?

– Ни в коем разе... -отчеканил доктор.-Иначе какого чёрта я тогда позвонил именно в вашу дверь? А вы стояли за ней и ждали меня. Ведь так? -Он смотрел на Стаса с плохо скрытым торжеством и мышьяная мордочка фельдшерицы тарашилась из-за его плеча.

– Но я не вызывал «Скорую», -с отчаянием сказал Стас.-Поймите, не вызывал!

– Да-да, -доктор кивнул.-Бригаду вы не вызывали, а диспетчер перепутал адрес и направил нас сюда, и теперь мы стоим в прихожей вашей квартиры и разбираемся, вызывали вы нас, или не вызывали... Бред какой-то! Хотя, впрочем, -он полез в карман халата и молча сунул Стасу под нос смятую бумажку, на которой Стас с удивлением прочитал свою фамилию, адрес и два слова «алкогольный делирий», рядом с которыми чья-то рука поставила жирный знак вопроса. Доктор то ли улыбнулся ещё шире, то ли подавил зевок и Стас растерянно вернул ему бумажку.

– Ничего не понимаю, -Стас нахмурился.-Откуда вообще вы взялись с этой бумажкой, вашими предложениями лечить меня от несуществующего алкоголизма? Кто вы, чёрт меня возьми?

– Доктор я. Доктор со «Скорой». Тридцать седьмая станция, пятая бригада.-Он смотрел на Стаса и весёленькие бесенята прыгали в его глазах.-Отказываетесь от госпитализации-так подпишите отказ! -Он сунул Стасу бланк со смазанным текстом, шариковую ручку и ткнул пальцем в бланк, указывая место подписи.

Стас брезгливо взял ручку, оставил неразборчиво свой автограф и сунул всё назад доктору. Доктор обворожительно улыбнулся Стасу, ловко сгрёб листок и ручку в карман и весело сказал:-Ну и ладненько! -После чего незаметно выдавился спиной на лестничную клетку и помахал Стасу рукой. Стас молча захлопнул дверь и не спеша пошёл на кухню. Он понял, что сейчас ему хочется большую кружку горячего кофе и сахара побольше и сливок туда. Мысли бежали ровной чередой, промелькнула одна, что стоит, пожалуй, сперва умыться да и на работу пора собираться, но он всё же твёрдо решил-сперва кофе, а всё остальное потом.

Внезапно он услышал донесшуюся из глубины большой комнаты пронзительную трель телефонного звонка и, недоумевая, кто бы это мог позвонить ему в такую рань на городской, открыл почему-то прикрытую дверь в комнату, хотя он мог бы поклясться, что когда ложился спать-дверь была открыта, он перестал закрывать её после смерти сына, она была, она обязана быть всегда открыта, эта дверь, но сейчас что-то было не так и он толчком распахнул её. Открыл и на мгновение ощутил растерянность и озлобленное бессилие от того, что был застигнут врасплох, от того, что в его доме, в его большой комнате, которую он в бытность шуточно называл «зала», в любимом кресле его сына, в кресле, в котором даже он не смел сидеть после смерти своего мальчика, повернутом спинкой к нему, кто-то сидел.

– О, Боже! -Стас вздрогнул и толкнул непослушного себя вперед, через порог. Ноги его не гнулись и он шагал словно робот.-Этого еще только не хватало!

Человек, небрежно развалившийся в кресле, неторопливо поднялся на ноги, продемонстрировав Стасу широкую спину и могучие, борцовские плечи, туго упакованные в дорожную, с искрой, ткань пиджака хорошего кроя, после чего круто развернулся, обогнул кресло и двинулся Стасу навстречу широко раскинув руки, улыбаясь приветливо, как будто радость его от лицезрения недоумевающего Стаса была беспредельна. В движениях незнакомца на мгновение проскользнула изящная грациозность охотящегося ягуара.

– Что вы здесь делаете? -глупо спросил Стас.-И вообще, кто вы?

Человек, не обращая внимания на оторопь Стаса, громко воскликнул:– Ба! Стас! Ну, наконец-то, наконец-то!

Стас даже споткнулся от такой наглости и фамильярности, но незнакомец, не испытывая, по-видимому, никакого смущения, облапил Стаса и, наклонившись к его уху, доверительно сказал:-Послушай, Стас, я рад сообщить тебе, что твоя идиотская история с этой, ну как там её, -он нетерпеливо щёлкнул пальцами, как бы ожидая, что Стас с готовностью подскажет ему о ком идёт речь, но, не дождавшись подсказки, продолжил, -В общем эта история забыта и ты опять на службе.

Стас стряхнул с себя его руки и почувствовал как в нём поднимается мутная волна раздражения. Ему захотелось выматериться и вытолкать этого хама взащей, но вместо этого он напряжённо спросил:— Чёрт возьми, кто вы? И вообще, как вы сюда попали?!

Человек весело засмеялся:—Стас, старина, да полно тебе! Я так рад тебя видеть!

Стас удивленно таращился на него. Все это было так нелепо, так абсурдно, что у него на мгновение закружилась голова, как будто насмешливый паяц прыгал рядом с ним, и его уродливые гримасы и изломанность движений тащили Стаса за собой, в какой-то призрачно-гротескный мир. Человек, между тем, продолжал болтать, фамильярно держа его за локоть:—Знаешь, Стасик, я, признаться, даже отчасти рад, что все так получилось. Ведь если бы ты не выступил против Храмова, то так бы и продолжал потихоньку гнить в этой, Богом забытой глуши, всеми оболганный и освищенный! Ты молодец. Я тебя зауважал за это! —Лицо незнакомца прямо-таки лучилось доброжелательностью.

— Чёрт! -Стас крепко потёр лицо и опять кольнула ладонь трёхдневная щетина.—Ничего не понимаю! Какого дьявола вы торчите в моей квартире и изображаете из себя моего закадычного друга? Вы кто? И кто такой Храмов?

— Вот те раз! -На лице незнакомца проскользнула озабоченность.—Стас, ты чего?

— Ничего! -Неприятнь так и пёрла из Стаса.—Абсолютно ничего кроме того, что я понятия не имею, кто вы и, если честно, и знать этого не хочу! -Он неожиданно для себя выкрикнул, срываясь на фальцет:—Убирайтесь! Вон!

— Вечер перестал быть томным, -задумчиво пробормотал незнакомец и, глубоко вздохнув, внезапно заорал:—Вон! Вон из дому, скотина! На работу пора!

Оторопевший Стас растерянно попятился, споткнулся и со всего маха плюхнулся на диван. Незнакомец ухмыльнулся.—Ну как, я орать умею? -невинно поинтересовался он.

Стас ошалело смотрел на незнакомца. Тот смерил Стаса оценивающим взглядом и неожиданно прищёлкнул каблуками, склонив голову в лёгком полупоклоне.

— Полковник Лыков. Юрий Афанасьевич, если угодно!

Переход был так резок и непонятен, что Стас почувствовал себя полным идиотом.

Незнакомец же, представившись Стасу, ухмыльнулся и, внезапно нахмурившись, резко скомандовал:—Встать!

Стас растерянно поднялся с дивана и замер, не представляя дальнейших своих действий. Некоторое время он и его гость пялились друг на друга, словно в детские гляделки играли, наконец гость буднично сказал:—Пойдём-ка, Стасик, кофейку накатим.—Бегло взглянув на наручные часы, гость добавил:—Время ещё есть. Тем более, -он ухмыльнулся, -ты, вроде как собирался... Сахарку побольше и сливок!

— Мне на работу пора.—невпопад сказал Стас.—Собраться надо, умыться там... А потом уже завтракать.

— Ай-я-яй, Стасик, -незнакомец покачал головой, -испортился ты, ей-ей испортился.

— Это в чём же? -буркнул Стас.

— Догадайся сам с трёх раз, -незнакомец, назвавшийся полковником Лыковым, откровенно насмеялся и Стас побагровел.—Ладно, -миролюбиво сказал незнакомец, -не парься. Я про твой склероз.

— Про что? -Стас недоумённо смотрел на незнакомца.

— Про склероз твой, Стасик, про него родимого речь.

— Послушайте, -Стас старался говорить проникновенно, одновременно лихорадочно подыскивая какие-то правильные и нужные слова, -О каком склерозе речь? Я поклясться могу, что до сегодняшнего утра не имел чести знать вас.

— Ой ли? -Незнакомец широко ухмыльнулся.—А воспоминания детства, учёба там?

— Где, в детском саду? -съязвил Стас, а незнакомец нахмурился.

– Ты в ещё более худшем состоянии, чем можно было предположить, -грустно сказал он.-Вот, видишь, ты уже путаешь, где учатся... Учатся в школе, Стасик, в институте, на худой конец, -он коротко хохотнул, -в фабрично заводском училище... А ты мне про садик!

– Ну, -Стас замялся, -на счёт садика верно-сморозил...

– Баранки гну, -невпопад сказал незнакомец.-Ригу помнишь?

Ригу? -Стас потряс головой, -так ты... вы, то есть...

– Ну наконец-то! -Полковник Лыков облегчённо вздохнул.

– Какого чёрта... -вполголоса пробормотал Стас.-Какого чёрта...

– Не «какого чёрта», а кореш Юрка, -ухмыльнулся незнакомец.

И тут Стаса прорвало.

– Ты кто такой? -тягуче поинтересовался он у пришельца.

– Ба, Стасик, опять?

– Нет, ты мне скажи-ты кто такой? -Стас уже почти рычал.-Ты какого ухмыляешься, словно придурок, а? Ты какого рожна ко мне прицепился? Какой нахрен кореш Юрка? Да не было у меня никогда кореша Юрки! Понял!

Незнакомец почти сочувственно посмотрел на Стаса и пожал крутыми плечами.

– Ну не было, так и не было...

– А ты кто? -продолжал напирать Стас.

– Полковник Лыков, -скучно сказал незнакомец.-Я тебе минут десять назад сказал. Помнишь?

В словах незнакомца была логика и Стас призадумался. Терять инициативу в разговоре не хотелось, надо было что-то говорить, не давая опомниться этому якобы полковнику и Стас поинтересовался:-А ко мне зачем? Или, -он на какое-то мгновение даже замер, -ошибочка приключилась? Случайно меня с кем-то перепутали?

Незнакомец, назвавшийся полковником Лыковым, пожал плечами.-В общем-то, Стас, никто тебя ни с кем не перепутал, но, я надеюсь, перепутают...

– Чего? -Недоумению Стаса не было границ, а незнакомец, вытащив из неизвестно откуда появившегося дипломата кипу бумаг, показал её Стасу, даже слегка потряс ею в воздухе. Из кипы выпала фотография и Стас машинально нагнулся за ней, потому что упала она подле его ноги. Взяв фотографию Стас замер, а Лыков, махнув рукой, положил бумаги на журнальный столик и деловито развернув кресло, плюхнулся в него задом. Удобно развалившись, Лыков распустил узел галстука и шумно перевёл дух.-Суетливо денёк начинается, -как бы жалуясь произнёс он и пристально взглянул на молчаливого Стаса.

– Зачем вы здесь? -поинтересовался Стас, угрюмо рассматривая запylённые носки туфель Лыкова. Фотографию он осторожно положил лицом вниз на бумаги сверху.-Каков смысл этого шоу, а? Можно ведь было сделать всё намного проще... Позвонили бы там, пригласили на беседу...

– Да, наверное, -Лыков пожал плечами и, расстегнув пиджак, вытащил из наплечной кабуры «АПМ». -Но не мне это решать... Чёртово железо... Вечно бок натирает.

– Послушайте, Лыков, или как вас там, —резко произнёс Стас. — Кончайте мозги парить... Вы как-то мало похожи на пешку!

– Хочешь сказать, что скорее уж на ферзя? -Лыков весело засмеялся.-Может быть, может быть, но не сейчас! И вообще, -он пристально взглянул на Стаса, -может давай на «ты»? Меньше официоза-продуктивней общение! Мы же друзья.

– Да уж, поверил я, -неприязненно хмыкнул Стас.— Смешней ничего придумать не могли?

– Надеешься, что я обижусь? -благодарно поинтересовался Лыков, -Абсолютно зря, между прочим. Можешь язвить сколько влезет, мне до этого дела нет! Расслабься, пока есть возможность... Как фишка ляжет-не нам судить! Нынче князь, а завтра в грязь!

– Вполне возможно. – Стас потёр подбородок и махнул рукой. – К чёрту все это, к чёрту... Пойду-ка я лучше кофе выпью. Горячего и крепкого. А то, – Стас зябко поёжился, – я что-то никак в себя не войду.

– Вот, разговор обретает смысл, – опять ухмыльнулся Лыков. – И оденься, чёрт возьми, а то шляешься как на пляже, а отопление у тебя в квартире ни к чёрту. – Последнюю фразу он произнёс уже в спину Стасу.

– Отопление ещё не включили, – машинально ответил Стас и знобким холодком взъерошило ему волосы на затылке.

– Я пока чайник согрею, – крикнул ему вслед Лыков. – А то кофеварка твоя вообще ни к чёрту не годится!

– А это откуда известно? – громко спросил Стас из спальни, надев свитер и торопливо натягивая брюки. – Или уже всё проверили?

– А то! – также громко ответил Лыков.

– Однако, – уважительно пробормотал Стас, – работаете вы, ребята!

– Стараемся! – Лыков незаметно очутился возле спальни и теперь подпирал плечом косяк. – Если не мы, то кто же?

– И к чему этот лозунг? – Стас бросил на Лыкова короткий взгляд и потянулся за свитером. – Голубые береты спать не дают?

– Если бы, – с сожалением пробормотал Лыков. – Во времена голубых беретов всё было проще и понятней, а сейчас... – он махнул рукой.

– Сейчас всё сложно, – глубокомысленно констатировал Стас.

– И ещё как. – сказал Лыков и, оторвавшись от косяка, проследовал на кухню. Стас прошёл за ним и внезапно поймал себя на странном ощущении присутствия себя самого в гостях у себя дома.

Лыков ухаживал за Стасом с ловкостью хорошо вымуштрованной жены. Кофе оказался как раз такой крепости как и любил Стас, а Лыков пошарил у Стаса в холодильнике, смерил Стаса пренебрежительным взглядом и достал завалившийся на полках старый плавленый сырок и жалкий кусочек сливочного масла.

– М-да! Не густо... – сказал он. – Хотя, чего же ещё ожидать от рафинированного интеллигента покинутого женой много дней назад.

– Не лезь! – резко сказал Стас. – Границу не переходи...

– И схоронившего сына-наркомана! – с садистским спокойствием добавил Лыков и профессионально перехватил руку Стаса с ножом, направленным в своё лицо.

– Пусти, – прохрипел Стас.

– Пушу, но больше не дёргайся, – сквозь зубы сказал Лыков.

– Не буду, – Стас морщился от боли, – но и ты не трожь, а то...

– Прекраснейшая мысль! Я вижу, мы поняли друг друга. – Лыков внезапно развеселился и отпустил руку Стаса. Стас плюхнулся на стул и, морщась, растёр запястье. Лыков неожиданно спросил: – Кстати, Стас, насколько я припоминаю, в университете тебе чуть срок не припаяли? В, хе-хе, Риге... На каком же это курсе стряслось? На втором? И угораздило же тебя тогда с этой поганой наркотой связаться... – Лыков ухмыльнулся гадко, – Сынок-то... Весь в тебя! Химик хренов. Менделеев! Хорошо что хоть так обошлось, а то ведь могли и на зону лет эдак на десять спровадить!

– Сука! – Стас побагровел, но Лыков весело расхохотался. – Да ладно тебе, Стас, – наконец выдавил он из себя сквозь сдавленное похрюкивание, – не дуйся! Сорвалось... Кстати, твой университетско-криминальный опыт, пусть и столь незначительный, как раз и был одним из критериев отбора для этого задания. – Он налил себе кофе и небрежно поставил чайник на стол. Смерив Стаса оценивающим взглядом, он конспиративным шёпотом сказал: – Так вот, Стас, – он огляделся по сторонам, – по легенде тебе надлежит изобразить профессора химии, препо-

давателя кафедры Национального Университета Аделаиды... Какой идиот только лепил эту легенду? -с усмешкой спросил он после непродолжительного молчания.

– Какого-какого профессора мне надо изобразить? – Стас озадаченно взглянул на Лыкова.

– Профессора химии, со скромным таким криминальным прошлым, по имени Джуд Кейхил, которого наши друзья из Штатов умудрились неловко спровадить на тот свет после того, как он отказался помогать им в борьбе против парочки очень крутых наркобаронов напрямую финансирующих бравых ребят Аль-Каиды... А, да впрочем, сам посмотри!

– Да уж, лучше глянуть, -вежливо сказал Стас и Лыков выудил из кармана и протянул ему цветную фотографию, на которой Стас с удивлением увидел самого себя, одетого в какой-то идиотский костюм из цветного шёлка на фоне нескольких маори в боевой раскраске у входа в маленький отель на берегу моря.

– Чёрт, где это я? -недоумённо спросил он после непродолжительного молчания.

– Ага, попался, -ухмыльнулся Лыков.-Я когда в первый раз тебя увидел-тоже было подумал, что ты-Кейхил... Так что, Стасик, прими мои соболезнования-кастинг ты прошёл!

– Но... -Стас замолчал, потом вопросительно глянул на Лыкова.-Это и есть фигурант? Профессор Кейхил собственной персоной?

– Стасик, не прикидывайся идиотом, -ухмыльнулся Лыков.-Это тебя не спасёт. Да, это именно Кейхил, тот самый Кейхил, которого ты должен заменить собой, но только очень тихо... -Лыков предостерегающе покачал пальцем перед носом Стаса, низко наклоняясь к нему, – и прошу тебя, помалкивай! -Он помолчал мгновение и продолжил; -Кейхила взяли по наводке одного из агентов АНБ в тот момент, когда он прибыл в Таджикистан якобы для организации химического факультета в Университете имени Абая, а на самом деле для запуска скромненького такого производства какого-то суперубойного производного героина. Там его и попытались завербовать, но он гордо отказался и при попытке свалить в Афганистан трагически погиб... Sic transit gloria mundi, так сказать! Информацию эту не афишировали и для своих коллег и партнёров Кейхил всё-таки сумел слинять в Европу и лёг там на дно, где-то в Швеции, а теперь пришёл срок вновь использовать покойничка, посему и ты понадобился.

Лыков нёс какой-то бред и Стас изумлённо увидел себя как бы со стороны, как он абсолютно серьёзно участвует во всём этом фарсе, напоминающем галлюцинации наркомана. Тяжёлое, глухое ожесточение зашевелилось внутри, мутной волной начал подниматься гнев и Лыков, судя по всему, уловил это изменение, потому что вдруг умолк.

– Ну, вот пока и всё, Стасик... -неожиданно сухо произнёс он.-Теперь, в общих чертах, первую часть плана ты знаешь, а всё остальное мы отложим на завтра. И, кстати, не повтори судьбу мистера Кейхила... -Лыков пристально посмотрел на Стаса и, как бы невзначай распахнув полу пиджака, продемонстрировал рубчатую рукоять пистолета в кабуре.-Не стоит!

Полковник Лыков пружинисто поднялся на ноги и, не оборачиваясь, вышел из кухни, простучал гулко каблуками, хлопнула входная дверь и Стас остался потерянно сидеть за столом, тупо разглядывая чашку с кофе, над которой поднимался парок.

– Черт! -Стас сердито стукнул кулаком по столу. – Чертовы идиоты.

Противно задребезжал дверной звонок и Стас, тихо ругнувшись, встал и пошёл открывать дверь. Ему почему-то подумалось, что Лыков вернулся, желая сказать ему ещё что-то. Других гостей он не ждал.

Даже не взглянув по привычке в глазок, Стас повернул ручку замка, дверь отворилась, и его взору предстала молодая женщина приятной наружности, в дорожном костюме и с большой сумкой на плече. Смутное узнавание шевельнулось в нём, он попытался преобразовать это узнавание в какие-то оформленные черты, но мгновенно понял бессмысленность своей попытки и вопросительно уставился на незнакомку. Она недоуменно оглядела Стаса с ног до головы и с радостным возгласом шагнула через порог.

– Слава богу... Профессор! Ну, наконец-то я до вас добралась! Господи, чего я только не передумала, пока вы не позвонили! Кейхил, дорогой мой, ну нельзя же так... – в ее голосе прозвучала укоризна. – Я так устала от всех этих треволнений! И вообще, какого чёрта вы забились сюда, и почему на вас этот дурацкий свитер?

Почему дурацкий? -обиженно спросил Стас.

– У него вид, как будто вы нашли его на помойке.-Женщина опустила сумку на пол с тяжелым стуком. – Вообще-то, Кейхил, я такого от вас не ожидала. – с плохо скрытой горечью сказала она, -Отменить семинар в последний момент... Ваше поведение уже ни в какие рамки не лезет.-Глаза её были странно пусты.-Нет-нет, конечно, в этом нет ничего страшного, но оправдываться за ваше отсутствие пришлось бы мне, а вы не хуже меня знаете, как болезненно эта зануда Либерман воспринимает любые нарушения нормального течения учебного процесса. Достаточно глупое поведение с вашей стороны! -Она скупо улыбнулась.-Хотя, впрочем, и Бог бы с ним, с этим Либерманом!

– Ну-ну... А я как раз пью кофе... -невпопад буркнул себе под нос Стас.– Вы кофе-то с дороги выпьете?

– Только не двойной.-Женщина прошла по коридору прямо в комнату и устало опустилась на диван.

– Простой так простой, -невозмутимо произнёс Стас.-Пойду сварю. Или, -он вопросительно глянул на незнакомку, -на кухню пройдем?

– А почему бы и нет? -Она поднялась с дивана и усмехнулась.

Зайдя на кухню Стас удивлённо оглядел стол, на котором неизвестно откуда возник мельхиоровый поднос. уставленный всякой снедью. Стас мог поклясться, что когда он вышел из кухни на столе оставались две чашки и сахарница, потому что банку с кофе он сам сунул в шкафчик, а тарелку с остатками жалкого плавленого сырка по привычке убрал в холодильник. А тут... Стас пригляделся, какие-то сладости, фрукты...

Женщина между тем деловито отодвинула его со своего пути и оказалась возле стола. Смерив поднос оценивающим взглядом, она восторженно воскликнула:—Джуд, вы просто душа! Можно я отщипну немного рахат-лукума?

Не дожидаясь ответа, она взяла кусок с подноса. – Вы знаете, у меня такое чувство, что я добиралась сюда целый год и целый год крошки во рту не держала! – Откусила кусочек и сладко зажмурилась. – М-м-м! Какая прелесть. Чего я больше всего ценю в восточной кухне – так это сладости. Вот уж действительно: умеют вкусно готовить!

Не переставая болтать, она одним махом проглотила рахат-лукум и потянулась к пахлаве. – Вы знаете, Кейхил, это была такая странная и... страшная дорога! У меня было такое впечатление, словно я проваливалась в какую-то трясицу, болото, и при этом понимала, что обратного пути для меня нет. – Она поморщилась. – Странно все это, и, если честно сказать, мне все это не понравилось. Кстати, Джуд, вы кофе-то нальёте наконец? Но пахлава действительно бесподобна. В кофейне около Университета подают просто жалкую подделку. Теперь-то я буду знать, что есть что! -Она гибко потянулась и неожиданно сказала:-Что-то вымоталась я...

– Немудрено, – сказал Стас и со стуком поставил чайник на плиту. Синеватый огонёк газовой горелки сердито пыхнул оранжевым всполохом.-Просто сегодня с утра столько событий... Ничего удивительного, что у вас голова кругом!

У меня... У вас тоже! -фыркнула женщина.-И вообще! Если честно сказать, то вы сегодня так странно говорили по телефону, что я, чёрт возьми, забеспокоилась насчёт вашего здоровья. Как дура помчалась к вам с утра пораньше, но, -она обвела комнату задумчивым взглядом, -что-то во всей этой истории выглядит очень странным! Я ехала в ваш дом, но приехала... Создаётся впечатление, что этот ваш дом-не совсем ваш! Вам это не кажется?

Я? По телефону? -Стас изумился, потом, припоминая, задумчиво сказал:-Хотя да, кажется был какой-то звонок. Вы знаете, -оглянувшись по сторонам он понизил голос до конспиративного шепота, -мне тоже кажется, что это не мой дом, но! -Стас поднял вверх указательный палец и хладнокровно произнёс, -могу поклясться, что я сегодня не покидал своего дома, поэтому ошибка исключена и, следовательно, этот дом-мой!

Ну-ну! -с сарказмом сказала женщина.-Как это вы, интересно, сумели на своё скромное жалование прикупить такие апартаменты? Да ещё и с охраной...

Ага! -торжествующе воскликнул Стас.-Значит вы тоже это заметили?

Что заметила? -недоумённо спросила незнакомка.-Охранников?

Ну конечно, -Стас искоса взглянул на неё.-Признаться, я подумал было, что у меня галлюцинации и очень забеспокоился. Но вы видите то же самое, что и я, значит ни о какой галлюцинации и речи нет, значит это всё существует на самом деле, а отсюда и вывод: я здоров! Никакого психического расстройства нет!

- Чудесно! -устало сказала незнакомка, -но, знаете ли, по правде сказать, вся эта история действует мне на нервы. Мало того, что я заехала чёрт его знает куда, хотя направлялась к вам домой, так ещё и всякий бред от вас выслушивать приходится. Признаться, -она укоризненно покачала головой, -я не думала, что попаду в такой переплёт. И вообще, -она нервно потёрла руки, -вы точно уверены, что не нуждаетесь в медицинской помощи? -Она пристально вглядывалась прямо в глаза Стасу, пронзала его мозг своим взглядом и он почувствовал мутную дурноту, а она буднично сказала:-У вас, дорогой мой, усталый вид. Вам поспать надо... Спать... Спа-а-ть...

...Звонко заржали кони, и лязг мечей и предсмертные крики пронзили кроваво-красную пыльную мглу битвы. Снова пришло время войны и она поползла по земле калеча всё и полыхая заревом пожарищ. Осатаневшие от крови орды прокатывались взад и вперед, руша и воздвигая царства, и сумрак забвения широко раскинутыми крылами вдруг осенял древние городища. Судорожно корчились эпохи и казалось не будет этому конца. Дикие племена кочевников накатывались, подобно прибою, на неприступные скальные стены, и заунывные песнопения ашугов растекались ручейками по степным просторам, и цари, погибшие в битвах, ложились под зеленые курганы, а Стас стремительно летел в прошлое, пронзая столетия всполохом молнии Зарево пожарищ полыхало на хищно жаждущих крови клинках, и вновь воздвигались и рушились царства, и целые народы со своим немудреным скарбом и своими богами откочевывали из глубы веков, а за всем этим чувствовалась злая, непреклонная воля, держащая всех в страхе и повиновении и гонящая всех, как пастырь гонит овец своих в одном, только ему ведомом, направлении. Восседали на тронах наместники Его, и воины опустошали царства, и черный мор шел по стопам воинов, и гибли, гибли, и еще раз гибли люди, освобождая место на землях своих для черной нежити, и идушливый страх расплзался окрест. Булькало и смердило в котле варево посвящённое Царю и избранные рабы превращались в зверей испробовав его. Жрецы в чёрных одеяниях готовили коричневатый порошок и тайные гонцы ветром смерти разлетались по свету, несли его как чуму в разные земли, ибо порошок этот давал Царю власть над Миром Вещным...

...Сон становился всё тяжелее, Стас заворочался, поправляя затёкшую руку, и именно в этот момент какой-то странный звук, как будто упало что-то тяжелое на столе, привлек его внимание. Заполошно открыв глаза, он растерянно уставился в безликий потолок, скосил глаза в сторону и вдруг вздрогнул от ознобного страха. Отрубленная человеческая голова беззвучно шевелила под лампой губами, как бы силясь что-то ему сказать. Корявое окровавленное ухо наполовину прятало за собой лихорадочное стрекотание будильника и тень закрывала циферблат, мешая рассмотреть стрелки. Кровавая лужа расплзалась прямо на ворохе бумаг и вишнёвые глянцевые капли тяжело шлёпали в пол. Закрыв руками рот в немом ужасе и пересиливая внезапно подступившую тошноту, Стас хотел закричать, позвать на помощь, но из его

перехваченного спазмом горла не вырвалось ни звука. Голова, с ее торчащей и вымоченной в крови бородой, была так отвратительно натуральна, что Стас ни на секунду не усомнился в ее вещественности. Слегка солоноватый запах крови коснулся его ноздрей, а изо рта головы вместе с кровавым бульканьем вылетело какое-то непонятное слово на неизвестном языке. Он потряс головой. Он даже крепко зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, в глубине души надеясь, что это ему лишь привиделось, голова на столе не только не исчезла, но стала еще натуральнее, покрывшись приметам тлена и разложения. От нее волнами плыл удушливый трупный запах, но она продолжала шевелить губами и, наконец, Стас разобрал дважды повторенное слово, и несмотря на весь свой ужас, несмотря на то, что он был буквально парализован этим ужасом, все-таки понял, что ему кричат изо всех сил: «БЕГИ»!

Позади него, у двери, щелкнул выключатель, и яркий свет залил помещение. Инстинктивно Стас приподнялся на локте, бросив на дверь мимолётный взгляд и увидел фельдшерицу с мышинной физиономией, на бейджике которой ясно читалось «Селинда Слоссон» и ещё какого-то человека, удивительно похожего на того, кто назвался сегодня утром доктором, а потом полковником Лыковым. Доктор и фельдшерица заполнили весь дверной проем. Доктор переступил порог и пошел прямо к Стасу, сверля его взглядом, гипнотизируя, поглощая душу Стаса, высасывая ее. Стас зажмурился, попытался отвернуться к стене, спрятаться под одеяло, но Селинда Слоссон, растянувшись, как резиновая лента, вся искаженная, словно она отразилась в кривом зеркале, в мгновение ока оказалась рядом с ним и с нечеловеческой силой схватила его за голову, не давая отвернуться, отвести взгляд от Доктора, лицо которого дико исказилось так, что не осталось в нем ничего похожего на человеческий лик. Какая-то жабья морда гипнотизирующе пялилась на Стаса, впивалась в него незримыми клыками, и он, слабо замахав руками, с приглушенным вскриком опрокинулся на спину, и сознание его померкло...

Когда Стас открыл глаза, то первое, что он увидел, было сочувственное лицо Доктора, за спиной которого маячила абсолютно обыденная мышинная физиономия фельдшерицы, которая держала в руках поднос. На подносе, прикрытая салфеткой, виднелась коробочка с ампулами и несколько набранных шприцов. Стас слабо простонал и сделал попытку повернуться на бок. Он лежал в своей постели и будильник привычно-торопливо стрекотал на тумбочке под лампой. Серый рассвет вяло ворочался в окне за приоткрытой шторой.

– Лежите, лежите, дорогой мой, – заботливо проговорил Доктор. – Вам сейчас нужен полный покой, еще раз повторяю – полный покой! Гемодезик мы вам уже прокапали, вот, реланиум сейчас по жилочке-то запустим и вообще всё славненько станет!

– А... Что случилось? – слабо спросил Стас. – Что со мной?

– Из запоя выводим... Но в справке напишем, что у вас нервный срыв.– вступила в разговор фельдшерица, гнусно ухмыляясь при этом. Стас бросил на неё взгляд и почувствовал, как тошнота поднимается в нём зелёно-бутылочной волной. – Обыкновеннейший нервный срыв и ничего более.-добавила она после паузы и Стаса чуть не вывернуло наизнанку.

– А голова? – заторможенно спросил Стас. – В библиотеке?

– Какая голова? – встревоженно обернулся к фельдшерице Доктор, – Чья голова? О чем это он? -Задумчиво почесав нос, он спросил, ни к кому, в частности, не обращаясь:-Думаете, белочка нас посетила? Зверушка такая, интересная-я-я! Алкогольный делирий, так сказать? – Он вновь повернулся к Стасу и заботливо поправил подушку у него под головой. Какое-то странное выражение промелькнуло у него на лице, но Стас сейчас был слишком занят своими мыслями, чтобы придавать значение выражению лица Доктора, хотя, быть может, и зря. Если бы он более пристально всмотрелся в его лицо, то он очень быстро понял бы, что Доктор смотрел на него с откровенной насмешкой. Раз начавшись, Игра продолжалась, и Доктор не видел оснований менять установленные правила. На губах фельдшерицы зазмеилась усмешка.

– У профессора Кейхила бред, но не системный... Он вполне адекватен, сейчас он только вспоминает про свои видения, – быстро ответила она. – Когда я вошла в его квартиру, он лежал на полу и показывал на письменный стол. Он уверял меня, что на столе, под лампой лежит отрубленная голова, которая, к тому же, еще и разговаривает. Каково, а?

– Хм. Уверяю вас, дорогой мой Джуд, – мягко сказал Доктор, – этого не может, ни в коей мере, быть! У вас действительно нервный срыв. Да и я тоже, хорош... Предоставил вас самому себе, запустил всё- дальше некуда, и даже, будь я проклят, -он ухмыльнулся, -не удосужился поинтересоваться, как у вас дела, как вы себя чувствуете... Непростительная ошибка. Кстати, дорогой мой, а как ваши исследования? Вы нашли?

– Стойте, стойте! -Измучению Стаса не было предела.-Что вы такое говорите? У какого профессора? Кто такой Кейхил? Что нашел? -удивлённо спросил Стас. —Разве я что-то искал? -он потряс головой.-Бред какой-то! Но, простите, а как же голова? Которая была на столе в библиотеке.

– М-да... Тяжелый случай! -Доктор широко ухмыльнулся.-Кстати, милейший, а как это вам удалось втиснуть в типовую малогабаритку ещё и библиотеку? Перепланировочку сделали? Соседей на квадратные метры поджали? -напористо и с угрозой спросил он Стаса и Стас, весь обмирая от иррационального страха перед этим голосом, который говорил сейчас с ним интонациями и словами властей, тех самых, надзирающих и разрешающих, отрицательно затряс головой.-Я ничего не делал, -слабо пискнул он и Доктор повернулся к фельдшерице. – Госпожа Слоссон, как вы думаете, может, стоит попробовать электросон? -обыденно спросил он и, напустив на лицо задумчивое выражение, напыщенно сказал:-Да! Я думаю, что вы избрали правильную тактику, но, на мой взгляд, в дополнение к инъекциям, введите еще электросон. Случай тяжелый, хотя, по-моему, не представляется клинически безнадежным. Ведь он же, -Доктор потёр ладонью подбородок, -ничего не сделал, за что его стоило бы посадить! Да и вообще: тюрьмы-то сейчас все-все переполнены, -равнодушно добавил он.

– Какой электросон? Куда посадить? -Стас приподнялся на локте и ошалело посмотрел на Доктора. – Я где, черт меня возьми, нахожусь?

– Лежите, лежите, – бросилась к нему фельдшерица и он ясно увидел бейдж с именем «Селинда Слоссон» криво прищипленный к лацкану халата, а она неожиданно сильно надавила ему на плечи. – Вам же сказано-не волноваться! Все хорошо, все хорошо... Вы в клинике, у вас был нервный срыв, но сейчас вам уже лучше. У нас, – она ехидно улыбнулась, – самая лучшая клиника. А вас, -она понизила голос до конспиративного шёпота, -ведёт сам профессор Карпендер. Мировая знаменитость в области психиатрии! Кстати, вы часом, не знакомы с ним? Он ещё порой любит представляться полковником из разведки... Каково, а? -она неожиданно захохотала и, резко оборвав смех, добавила:-Лежите спокойно. Сейчас мы вам сделаем укольчик, и все будет хорошо. Вы уснете, вы очень устали... очень устали. Вам надо спать... спать... спать...

Стас неожиданно для себя зевнул, потянулся, устраиваясь поудобнее. Томная нега охватила его, и не прошло и минуты, как Стас ровно и спокойно задышал, погружившись в глубокий сон. Фельдшерица пристально смотрела на мирно спящего Стаса и вдруг, что есть силы вцепившись в его плечо, крикнула прямо ему в ухо: -Проснись, Иуда, проснись! Вражеские всадники скачут по улицам города. Тебе надо бежать!

Стас ошарашено открыл глаза и приподнялся на ложе. В полном недоумении уставился он на молодую женщину, чья растрепанная прическа так не вязалась с элегантным пеплумом, подпоясанным тоненьким, отделанным серебряными бляшками пояском.

– Кто ты, дивное виденье? – хрипло спросил Стас. – И где я?

– О, Иуда, – горько зарыдала женщина, заламывая руки. – Какое горе... какое горе! Почему говоришь ты со мной, Лоидой, дочерью возлюбленного тобою брата твоего Иасона, на незнакомом наречии? Неужели не узнаешь ты меня?

– Лоидой? – недоуменно переспросил Стас. – Какой Лоидой?

– О, боги, – запричитала женщина- Бредит он, бредит. Не узнает он меня и не хочет говорить со мной! Злой Уруку, да будет проклято его имя во веки и из века в век, наслал на тебя злую лихорадку, и со вчерашнего вечера, как принесли тебя в дом брата твоего, Иасона, горишь ты весь и бредишь, говоря нечто непонятное нам... Брат твой не так давно ушел к Луке, чтобы пригласить к тебе врача, искусного в исцелениях болезни, подобной твоей, но я рада, что ты хотя бы открыл глаза...

Погоди, -Стасу разговор этот давался с трудом, но он был рад хотя бы тому, что может, пусть и коряво, но все же произносить связные слова, – погоди, женщина... Мне тяжело говорить... Так ты утверждаешь, что ты Лоида, дочь моего брата Иасона? Не помню... – Он тяжело смежил веки, чувствуя, что где-то там, глубоко за надбровьями, рождается тяжелая, тошнотворная головная боль.– Почему я этого не помню?

– Сейчас, сейчас, – засуетилась женщина. – Сейчас вспомнишь... – Она бросилась к стене и сняла с нее тяжелый, тускло-зеркальный диск. Поднеся диск к нему, она повернула его так, чтобы он мог увидеть свое отражение. – Ты только посмотри на себя, Иуда, в кого ты превратился. Если бы отец мой не настоял на том, что надо забрать тебя в свой дом, ты бы еще вчера покинул бы мир живущих... Моя мать, Раав и я, мы не отходили от тебя всю ночь и боялись, что ты не увидишь рассвета, но, слава Богам, ты остался жив!

Из тусклого зеркала на него глянули больные, затравленные глаза из щелочек заплывших век на одутловатом, бледно-сером, с огромными мешками под глазами, лице. Длинная, всклокоченная, и даже в этом зеркале грязная борода торчала дыбом, а давно нечесанные, грязные космы свисали на лоб. Скосив глаза, Стас увидел, что одеяние его грязно, а густо поросшие черным волосом ноги все сплошь покрыты язвами от расчесов. Он протянул руку, пытаясь схватиться за зеркало, но женщина быстро убрала его в сторону и заботливо проговорила:

– Нет, нет! Тебе нельзя утомляться. Ты лучше поспи еще, а отец приведет Ермия, и он разбудит тебя. Надеюсь, к тому времени тебе станет лучше, и ты начнешь узнавать нас!

– Да-да, -Стас тяжело откинулся на подушки и, уже сонным голосом, промолвил, – Принеси мне попить, Лоида... – Звучно всхрапнув, он сонно завозился, и, пробормотав неразборчиво что-то, заснул. И вновь Стас буквально провалился в странный сон, где гротеск и ужас смешались в причудливую ткань, и он, понимая, что это сновидение, тем не менее, не мог отделаться от ощущения, что этот сон – не совсем сон и утопая в ирреальном кошмаре, он никак не мог выбраться из искаженного «Я», чтобы проснуться и обрести почву под ногами. Ему виделось, что он, никем не замечаемый, бредет по длинному коридору, даже не коридору, а, скорее, по вырубленной в толще горы штольне. Редкие факелы, воткнутые в бронзовые кронштейны, освещали его путь неверным, дрожащим светом, а впереди, невероятно далеко и в то же время ужасающе близко, открывался высокий сводчатый зал, дальние края которого терялись во мгле, мгле такой плотной, что даже неистово полыхающая посреди залы скважина не могла осветить ее. Гул подземного пламени причудливо переплетался с мрачной торжественностью ритуального песнопения, как бы доносящегося из ниоткуда, из глубоко сокрытых подсознательных тайников... Но вот из боковых коридоров, которые Стас не видел, но о существовании которых был неизвестно откуда осведомлен, показались уродливые фигуры, странно похожие и в то же время не похожие на человеческие, кривляющиеся, подобно злым обезьянам. Их крокодильи хвосты при каждом их шаге пристукивали по каменным плитам пола, и этот идиотский стук складывался в незатейливый шарманочный мотивчик, а кривляющиеся фигурки пошли как-то боком, вприскок и это было так смешно, что Стас не выдержал и засмеялся в голос, хотя понимал, что этого ни в коем случае делать нельзя.

Его смех загрохотал в подземной темнице, подобно горному, а точнее подземному обвалу, заставив содрогнуться высокие своды, сокрытые в предвечной тьме, и тьма осветилась, превратилась в призрачный свет, в котором брели редкие полупрозрачные тени, каждая

из которых была похожа на чудовищно искаженного человека, чьи члены, странно спутавшись местами, все же были понятны и узнаваемы. Подземный гул стал громче, и багровое пламя из земных глубин, ударив свечой, вобрало в себя и растворило призраков, а когда оно опало, из глубины сводчатого зала выплыло НЕЧТО, сгусток Мрака, чьи отполированные формы поглощали малейший проблеск света, и ни единого блика не попало в глаза Стаса.

– Кто ты?! – громовым голосом спросил Мрак.

– Я... Я не знаю... – растерянно ответил Стас. – Я думаю, меня зовут Стас. Да, да, конечно, Станислав Маркович Ковальский.

– Не лги мне, Кизим! – Мрак грохотал и ревел вокруг него. – Ты-магупат Кизим, сокрывшийся от меня в иных временах и превратившийся в глупца по имени Кейхил, Джуд Кейхил. Ты профессор химии, ты работаешь на наркомафию!!!

– Я... Я не химик! Я просто человек! – Стас почувствовал, что в нем рождается гордость за то, что он может так сказать о себе. – Я – ЧЕЛОВЕК!

– Где ты?! – Стасу показалось, что он попал в эпицентр ядерного взрыва и испепелен. Мрак бушевал вокруг него раскаленной плазмой черной звезды, и его обугленная плоть, сдуваемая космическим вихрем, уносила прочь, оставив истлевшие кости в абсолютном нуле вакуума...

– Я есть я, и я в самом себе, я внутри себя! – кричал Стас, и голос его слабее комариного писка умирал, еще не успев родиться, а Мрак хохотал над его слабыми потугами отстоять свое «Я», и этот хохот, издевательски-пренебрежительный хохот убивал Стаса, расслаивал его душу, как расслаивается слюда, обмотавшая провода, переполненные электрическим током.

– Ты пуст! – прогрохотал Мрак. – Тебя нет! Твое «Я» исторгнуто в ничто...

– Неправда! – пискнул Стас, а Мрак, раздуваясь мыльным пузырем, радужными переливами черноты поглотил его, и ледяное пламя охватило Стаса. Он скорчился в зародышевый комок и приготовился родиться, сквозь пульсирующую трубу, ведущую в муки. И он родился, был исторгнут в свет, и смутный ропот мира сотряс его могучей вибрацией, и начался новый цикл, в котором не было ни имени, ни понятий, ни независимости. Был крохотный комочек плоти, сжавшийся в извечном страхе перед неизвестностью. Он возлежал на алтаре, приготовленный к заклятию, и лев с драконьими лапами вознес над ним вороненый клинок, изукрашенный позолоченной резьбой, и выступила из тьмы царица в тиаре, а с багрово отсвечивающих клыков ее капала наземь кровь, и там, где капли падали и растекались, вырастали шипастые кусты, покрытые жадно отверстыми пастями вместо цветов. Опять донеслось отдаленное песнопение, но теперь Стас разбирал доселе непонятные ему слова древнего заклания:

«Расползаясь над землей
Мрак удушливой волной
От подножий гор ползет,
Затмевая небосвод...
Чтобы солнце и луна
Затемнились дочерна,
Пусть выходит из глубин
Мира Черный Властелин.
Пусть заклятие падет,
В час, когда сюда придет,
Дева северной земли,
Где все правят короли,
И когда звезда Муфрид
Круг небесный завершит!»

Смутные видения замелькали перед Стасом, и, затмевая все и вся, возникла перед его взором картина, где тени Преисподней, схватив белокурую молодую женщину, с рычанием и хохотом швырнули ее к подножию исполинского трона, который был пуст и, выкрикивая слова чудовищные и непроизносимые, вскрыли ей грудь вороненым кривым клинком и достали из груди ее еще живое трепещущее сердце, и капли крови ее, упав на подножие трона, взвихрились черным дымом, и дым стал собираться и уплотняться в доселе невидимую массу, и вот, на троне показалась темная фигура, огромная, как исполинский дымный столп, увенчанная венцом из скал, и багряные очи сумрачно блеснули из-под туч, заволокших чело Повелителя. Свод подземелья невиданным образом улетел ввысь, и показалось Стасу, что вся земля покрылась каменным сводом вместо неба, и померкли луна и звезды, и солнечный луч не мог пробиться к иссыхающей затемненной земле, и превращались виноград и смоквы в терние и волчцы. Дикае орды, освещая путь свой факелами, зажженными от подземных огней, бесконечно сражались другие другом за глоток гнилой воды, за отравленные плоды подземного мира, за куски тухлого мяса. Казалось, что все кончено, что никогда уже свет и тепло не проникнут к земле, поработанной Повелителем Тьмы, но раздался громовой удар, и голос, сотрясающий саму основу мира, повелительно произнес:

Зло зародилось раньше,
Был Повелитель всемогущ.
Ану пришел, Справедливый,
И проявил Силу Света,
С тем, чтобы Тьма
Отступила, спряталась
В глуби земные, там
Уготовил ей место
Ану, Создатель Премудрый.
Скован Царь Тьмы
Предначальной, в глуби
Ущелий низвергнут...
Острые, скальные пики
Крепко темницу закрыли.
Запечатлели навечно
Звезд, в день и час, положенье!
Сколь не преидет
Кругов мира, День тот
И Час – невозвратен...

Ослепительные молнии ударили в каменный свод и раскололись скалы, и обрушились в чрево земли, полыхающие багровым пламенем глубин, и солнечный луч, подобно мечу в руке Ану, рассек Повелителя Тьмы, погасли багровые очи в поднебесье и ровный свет заструился с небес на оживающую на глазах землю. Стас пробился ростком сквозь неподатливую иссохшую почву и, подставив свою главу живительному свету, распрямился, раскрыл свои листочки и весь затрепетал, переполняемый земными соками. Долгое ожидание нового рождения пришло к своему концу, и он снова был жив. Открыв глаза, Стас уставился в белый потолок, и первое, что он спросил, было банальнейшее: «Где я?» Ему никто не ответил.

– Эй, кто-нибудь... – слабо позвал он. – Кто-нибудь, отзовитесь!

В полной, какой-то ватной тишине ему послышалась музыка, что-то вроде отдаленного бравурного марша, но к нему никто не подошел. Осторожно-осторожно Стас скосил глаза и увидел, а вслед затем и ощутил, что на нем одета чистая мягкая пижама нежно-салатного цвета. Аккуратно скатанное одеяло лежало в ногах. Он поглядел на пол и увидел около кровати матерчатые тапочки в крупную клетку. Осторожно подвигав руками и ногами и убедив-

шись, что они исправно действуют, он спустил ноги на пол и влез ступнями в мягкую удобность фланели и войлока. Затем он решительно встал на ноги и обрадовано удивился, что они не подкашиваются и вполне надежно держат его на земле. Шаркая ногами, Стас осторожно направился к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор. Бравурный марш зазвучал ближе, как будто к нему приближалось какое-то карнавальное шествие. Белый коридор с бесконечными дверями был пуст и залит светом ртутных ламп. Музыка еще приблизилась, и внезапно из-за угла выбежал человек. На его животе болтался плеер, из которого и слышался этот дурацкий марш, а человек абсолютно не в такт бежал, что есть силы размахивая руками. Завидев Стаса, он обрадовано крикнул: «Эй, профессор! Кейхил, старина, присоединяйтесь!» и сменил быструю рысь на плавное коньковое скольжение. Обрадованный тем, что встретил хоть одну живую душу, Стас храбро вышел в коридор и, немного помедлив, присоединился к бегущему. Скользить по гладкому линолеуму было легко, и вскоре он приноровился к размашистому скользющему бегу своего спутника. Искося поглядывая на него, Стас молча скользил рядом, не решаясь заговорить первым, но вскоре молчание начало его тяготить, и он одышливо задал вопрос, который крутился у него на языке.

– Скажите, э-э-э, почтеннейший, а куда мы бежим?

– Никуда! – сосредоточенно ответил его спутник и встряхнул головой так, что его длинные, зачесанные за уши, изрядно сальные волосы растрепались. – Здесь можно бежать только никуда! – категорично добавил он.

– А зачем мы бежим? – осторожно поинтересовался Стас, немного сбавляя темп.

– Эй, Джуд, старина, не отставайте, – резко сказал его спутник. – Надо бежать быстро!

– А зачем? – недоумению Стаса не было границ.

– Ни за чем! – отрезал человек и надал ходу так, что и Стасу пришлось прибавить.

– Хорошо, – Стас решил зайти с другого конца. – А почему мы бежим?

– Эй, старина, ты что, совсем дурак? – человек удивленно поглядел на него. – Мы бежим по полу... Ты что, этого не знаешь?

– Знаю. Но я не в том смысле спросил, – ошарашено ответил Стас. – Я в том смысле, что мы же зачем-то бежим?

– Тьфу ты, какой глупый, – пробормотал человек. – Я же сказал тебе, что мы ни за чем не бежим, мы просто так бежим!

– А может, тогда лучше остановиться? – осторожно спросил Стас.

– Э нет! Вот этого ни в коем случае делать нельзя, – убежденно ответил человек и, на всем ходу, скользя тапочками по гладкому полу и чуть не упав, свернул за угол, заставив и Стаса проделать этот рискованный маневр.

– А почему нельзя?

– Потому что нельзя! Нельзя и все тут! – Человек сердито взглянул на него. – Ты лучше беги, давай. Двигай ногами поживее...

– А что, накажут? – Стас уже начал жалеть, что так неосторожно покинул комнату, в которой проснулся. (Проснулся ли? – промелькнуло у него.)

– Нет, ну ты чудак! – человек на бегу выключил плеер, перевернул кассету и снова включил тот же самый дурацкий марш. – Кто накажет-то?

– Так почему же остановиться-то нельзя? – в полном отчаянии спросил Стас.

– Ты «Алису в стране чудес» читал? – вопросом на вопрос ответил человек. – Читал?

– Читал... Только давно, – смущенно ответил Стас.

– А если читал, то зачем тогда глупые, вопросы задаешь? – человек откровенно рассердился. – Ты что, не помнишь, что если захочешь остаться на месте, то надо очень быстро бежать, а то окажешься сзади...

– О, господи, – почти простонал Стас. – Где я?

– В коридоре! – торжественно проговорил человек и дружелюбно посоветовал, – Ты, лучше беги, давай, а то от всех этих вопросов и ответов и впрямь свихнуться можно.

– Да ну тебя! – сердито сказал Стас. – Не хочу я больше бегать. Глупо.

– А тебя, больше чем есть, никто бегать и не заставит, – хмыкнул человек, и его круглый подбородок прямо-таки затрясся от сдерживаемого смеха. В прищуренных глазах его прыгали бесовские смешинки. – Хочешь остаться сзади – остановись и все. Но я бы тебе этого не советовал. Хотя, впрочем, как знаешь. – Он перешел со скользкого шага на дробную рысцу и, легко оставив Стаса позади, на бегу прокричал ему: – До встречи! – После этого он расхохотался и еще раз добавил, – Нет, ну ты чудак! – Затихая, бравурный дурацкий марш свернул за очередной угол, а Стас, безнадежно махнув рукой, повернулся и пошел обратно. И тут же понял, что он не сможет теперь вернуться в ту комнату, где проснулся. Бесконечный в своей одинаковости коридор тянулся рядами безликих дверей, и за какой из них Стас восстал из небытия он теперь не смог бы определить при всем своем желании. Лихорадочно открывал он дверь за дверью, но всюду видел одну и ту же безликую картинку: кровать, аккуратно свернутое одеяло, белый потолок и сияющий стерильной чистотой пол. Никаких номеров, никаких отличительных черт. Безликая одинаковость и все. Постепенно, сам того не заметив, Стас перешел на ровную рысь. Двери распахивались и закрывались, они проносились мимо него, как огни в тоннеле метрополитена проносятся мимо окон вагона. Все направления были равнозначны, и путь был бесконечен. Наконец, когда Стас устал и остановился, обессилено привалившись к стене, он снова слышал тот самый дурацкий марш, услышал ровный дробот бегущих в никуда ног и, застонав от отчаяния, распахнул первую попавшуюся дверь, чтобы не попасться на глаза этому придурку с плеером, спрятаться от него, избежать дурацкого разговора, избежать этого сумасшествия...

Открыв глаза, Стас тупо уставился в белый потолок, пытаясь сообразить, где же он находится. Стул, стоящий рядом с кроватью был пуст, на тумбочке, под лампой, рядом со трекочущим будильником стоял поднос, на нём возвышался стакан с водой и ещё что-то, заботливо прикрытое белой салфеточкой. Стас осторожно скосил глаза и увидел, как за матовой стеклянной дверью промелькнул смутный силуэт.

– Эй, кто-нибудь... – хрипло позвал Стас, и дверь, как будто там, за ней ожидали его возгласа, распахнулась. Миловидная мулатка в легком голубом халатике вошла в комнату (*Странно, но он почему-то решил, что это палата. Кто-то не так давно говорил ему, что он болен, да-да, просто болен и ему надо немного полежать, отдохнуть и всё станет нормальным, привычным. Мир сразу войдёт в себя*) и заботливо наклонилась над ним, показав в вырезе халата крепкие маленькие, словно хрустящие яблочки, груди, увенчанные розовато-коричневыми взрывателями сосков. Стас шумно вздохнул и облизал враз пересохшие губы. А она, грациозно потянувшись, поправила у него под головой подушку и, отступив в сторону, ровным, лишенным эмоций голосом спросила:

– Вам дать пить? – голос ее был приятно мелодичен.

– Господи, – Стас с облегчением откинулся на подушку. – Господи, какое счастье! Наконец-то рядом со мной нормальный человек.

Она пристально взглянула на него и, ничего не ответив, подала стакан с водой. Приподнявшись на локте, он с непередаваемым наслаждением, долгим, прямо-таки бесконечным глотком опустошил стакан и, издав удовлетворенный возглас, снова откинулся на подушку. Обычная обстановка комнаты с возвышающимся в углу штативом капельницы произвела на Стаса самое благоприятное впечатление своей реальностью, монументальной незыблемостью. Он с наслаждением втянул ноздрями запах клиники, с ее привкусом дезинфекции и непередаваемо специфического оттенка больничного белья. От стоящей рядом молодой медсестры до него донесся далекий отзвук недорого дезодоранта и свежего молодого тела девушки, которая следит за собой.

– Мне встать-то можно? – дружелюбно спросил Стас и ощутил, как рот его разъехался в широчайшей ослепительной улыбке. Он понимал, что выглядит сейчас полным идиотом, но нечего не мог с собой поделаться. Реальность окружающего его мира пьянила, как молодое вино, и ему хотелось кричать и хохотать от радости. В широко открытых, темных как виноградины «Изабеллы», глазах медсестры промелькнул испуг, и она, осторожно попятившись в сторону от Стаса, быстро проговорила:– Лежите, Кейхил, лежите... Доктор Слоссон не велела вам вставать. Сейчас я приглашу ее в палату, и вы сможете с ней поговорить.

– Да какой я вам к чёрту Кейхил? – возмущённо выкрикнул Стас, – Я не Кейхил, не Кейхил, чёрт вас всех поberi, я... –он внезапно умолк и тень какого-то воспоминания промелькнула на его лице. – Но, позвольте... Доктор Слоссон, хм, а, хотя, впрочем, зовите!

– Подождите минуточку, но не вставайте, – вежливо сказала медсестра и выскользнула за дверь, плотно прикрыв ее за собой. Стас пристально посмотрел ей вслед и внезапно обратил внимание на то, что на двери с его стороны не было ручки. – Что за черт? – возмущенно сказал Стас. – Я что, заперт? Вот еще новости. Где это я, в конце концов? – Он встал с кровати и босиком прошлепал к двери. Так как ручки не было, то он попытался зацепить кромку двери ногтями. Попытка оказалась безуспешной. Ногти скользили и срывались. – Что за чертовщина, – пыхтел Стас, – какой дурак оторвал на этой двери ручку? Кому это понадобилось? – Оставив кромку двери в покое, он постучал в дверь кулаком, сперва тихонько, потом громче. Из-за двери не доносилось ни звука, как будто там все вымерло. – Эй! Кто-нибудь! – крикнул он и, что есть силы, грохнул кулаком в дверь. Ему показалось, что по коридору кто-то пробежал на цыпочках, и донеслось сдавленное хихиканье.

– Дьявольщина! – что есть силы заорал Стас и ударил по двери кулаком, раз, и еще раз, и, постепенно входя в остервенение, начал колотить в дверь с методичностью и скоростью парового молота. – Дьявольщина! Дьявольщина! – орал Стас и колотил в дверь. Внезапно дверь распахнулась, и Стас, чей кулак не встретил препятствия, потерял равновесие и вылетел в коридор. Сильные руки подхватили его, не дав упасть, и быстро и ловко толкнули обратно. Остановившись у самой кровати, он оторопело посмотрел на давешнюю медсестричку в голубеньком халатике и двух громил, которые в своих слишком коротких и узких для их габаритов белых халатах выглядели так, словно парочка горилл собралась на бал-маскарад. – Что за черт, – начал было возмущенный Стас, но в этот момент громилы отодвинулись в сторону, освобождая проход, и в палату вошла фельдшерица, она же Селинда Слоссон, она же Лоида и она же еще черт знает кто! В этот раз она исполняла роль доктора. Аккуратно застегнутый на все пуговицы халат, на нагрудном кармане которого болталась карточка с надписью «Клиника им. Св. Августина. Доктор Селинда Слоссон. Клинический ординатор», был безупречно выглажен и накрахмален. Казалось, что при каждом ее движении он гремит, как жестяной.

– Лоида? – растерянно спросил Стас. Слишком жив и реален был эпизод, то ли сна, то ли яви, в котором она присутствовала, и слишком яркие воспоминания о нем. Уходя, она сказала, чтобы он поспал, а когда она вернется, то с ней будут брат его Иасон и Ермий, врач, искушенный во врачевании болезней.

– А почему именно Лоида? – спросила она в ответ на его вопрос, и тут Стас сообразил, что его вопрос выглядит, по меньшей мере, странно.

– Потому что я видел женщину по имени Лоида, – сконфужено буркнул он, – и она была чертовски похожа на вас.

– Да? – удивленно сказала доктор Слоссон. – Но, как вы видите, меня зовут Селинда. Селинда Слоссон, если вам угодно. Я ваш лечащий врач. И давно вы видели столь похожую на меня эту э-э-э, Лоиду?

– Когда проснулся в первый раз, – сердито сказал Стас. – Она сказала, что я в доме своего брата, Иасона, а брат мой ушел к Луке, чтобы привести Ермия, доктора.

– Так, так, – серьезно сказала Селинда. – Продолжайте, мистер Кейхил, прошу вас. Все это очень интересно. А что еще было?

– Ничего, – Стас продолжал говорить с сердитым видом. – Я лежал при смерти, и ноги мои были покрыты язвами... – Он вдруг наклонился и, задрав штанину пижамы, с удивлением уставился на свою ногу. – Странно, – пробормотал он. – Никаких следов. Значит, это был сон?

– Может быть, – любезно согласилась доктор Слоссон, – может быть. Но это, как вы говорите, было, когда вы проснулись в первый раз. Значит, был и второй?

– Был и второй, – согласно кивнул Стас. – Только тогда я, выйдя в коридор, наткнулся на какого-то идиота, который бежал по коридору как оглашенный, и на шее у него болтался дурацкий плеер, из которого слышался не менее дурацкий марш. И этот идиот сказал мне, когда я побежал с ним, что нельзя останавливаться, потому что тогда отстанешь и потеряешься. Так и вышло. Я остановился и попробовал вернуться назад, но этого нельзя было сделать, потому что я не знал, где я и куда мне надо идти, вперед или назад. Я просто-напросто потерялся. А потом я проснулся, и медсестра сказала мне, что сейчас пригласит доктора. Но, что самое странное, все называют меня Кейхилом, Джудом Кейхилом, а ведь это не так! Я не Джуд Кейхил, я... –он оглянулся и на лице его была написана растерянность, –я не помню, кто я... Чёрт!

– Абсолютно правильно, – согласно кивнула доктор Слоссон. –Медсестра пришла ко мне и сказала, что вы хотите видеть меня. И вот я здесь и внимательно слушаю вас, хотя, по правде сказать, вы ведете себя далеко не лучшим образом. Вы не признаётесь, что вас зовут Джуд Кейхил, вы пугаете персонал своей агрессивностью... Зачем вам понадобилось колотить в дверь? Ну, сознайтесь? – голос ее вдруг изменился и стал низким, как будто в замкнутом объеме загудел контрабас. Стас испуганно увидел, как изображения всех, кто находился в палате, заколебались и подернулись рябью, словно испортилось что-то, а потом внутри его головы чей-то очень знакомый голос повелительно и протяжно забормотал: «Спать! Спать! С-п-а-т-ь!» Голова закружилась отвратительно и мерзко, и Стас, слабо вскрикнув, повалился навзничь и провалился в какую-то отвратительно тошнотворную, облепляющую тишину, от которой жутко ломило где-то там, в глубине, за надбровьями, и в глазах плясали зеленые круги.

– Проснись, Иуда, проснись! – Кто-то, что есть силы, тряс его за плечо. Слабо застонав, Стас приоткрыл слипающиеся веки и увидел склонившегося над ним старого, уже седобородого еврея, который с любопытством глядел на него. – Значит, Иасон, это и есть твой брат? – услышал Стас неизвестно к кому обращенный вопрос и, чуть-чуть повернув голову, разглядел неуловимо знакомого чернобородого мужчину, который устало сидел на деревянной скамье, свесив руки меж колен. Рядом с ним стояла молодая женщина, та, которая будила Джуда в первый раз. Она с выражением тревожного ожидания глядела на седобородого.

– Ну, как ты себя чувствуешь, Иуда? – спросил седобородый. – Сильно же тебя скрутило! Иасон рассказал мне, что солдаты забрали тебя по приказу Манассии и увели в Раму, и что был ты не один в беде своей, а вчера тебя нашли в твоём доме, лежащего в лихорадке и всего покрытого страшными язвами... Что случилось с тобой? Может, ты съел плохую пищу или тебе пришлось пить дурную воду? Мне надо знать, чтобы назначить тебе правильное лечение и принести в жертву нужных животных.

– Я... Мне... мне нехорошо. Меня тошнит, – слабо прошептал Стас. – Я ничего не могу вспомнить.

– Ну, не можешь и не вспоминай, – махнул рукой седобородый. – Ладно. Единственное, что я могу сказать, что я, Ермий, искусный врачеватель и, если богам будет угодно, то ты поправишься. Возьми вот, испей! – он подал Стасу резную деревянную чашу, почти до краев полную какой-то горьковато пахнувшей жидкостью, и помог приподнять голову. Пока Стас пил, он поддерживал его за затылок, а жидкость проливалась мимо рта Стаса и заливала ему грудь. Он жадно глотал эту жидкость, горечь которой холодком разливалась по телу и странно туманно

нила голову. – Ну, вот и хорошо, вот и славно, – услышал Стас у себя над ухом, и его опустили на лежанку. – Теперь тебе надо поспать, и когда ты проснешься, то почувствуешь себя лучше. – Голос отдалялся, уплывал куда-то, и Стас начал проваливаться в сонное забытие, смутно пытаясь вспомнить что-то очень важное для себя. «Лыков... при чём здесь полковник, при чём тут Лыков, они что-то говорили про солдат, значит, это Лыков, Лоида, Селинда Слоссон, она, кажется, была вместе с Доктором? Клинический ординатор, так, кажется, это называется, ах, Иасон, какое изваяние, я нашел изваяние, солдаты, полковник Лыков, кто же за ними стоит?» Все закрутилось в его мозгу, и, слабо взбрыкивая ногами, он помчался сквозь Тьму. Реальности исказились, переплелись в диковинный узор, и Стас внезапно проснулся. Он лежал на спине, на высокой кровати, в абсолютно пустой, сияющей хирургической чистотой, комнате. – Я Кейхил, Джуд Кейхил, – он посмаковал это имя, привыкая к нему и осозная себя в каком-то новом, непонятном пока для себя качестве. Дверь из комнаты была приоткрыта, и из-за двери слышался какой-то шум, или не шум, какая то музыка, быстрая и нервная, с дерганным, раздражающим ритмом, вроде игрушечный заводной зайчик из его детства колотит и колотит в свой игрушечный барабанчик и этот стук, смешиваясь со стуком сердца, омерзительным ржавым гвоздем влазит в черепную коробку, куда-то туда, за надглазья. «Как странно, – подумал Стас, – Я засыпаю и просыпаюсь, засыпаю и просыпаюсь, и каждым раз в каком-то, уже бывшем, но все равно в новом мире». Глаза рассеянно скользили по стерильно белому, без единого пятнышка, потолку, где взору было не за что зацепиться, и это раздражало так же, как и надоедливый мотивчик, то ли из коридора, то ли из детства. И вдруг он вспомнил! Он вспомнил, вспомнил этот мотив! Это было зимой сорок второго года, как раз перед Рождеством. Он был Рыжий! Этот клоун в супермаркете был Рыжий. Они же обычно дают свои репризы вдвоем: Белый и Рыжий. Классические цирковые персонажи, берущие свое начало в комедии дель арте, от своих прародителей, Арлекина и Пульчинеллы. И в этом клоунском дуэте Белый всегда дурак, а Рыжий всегда злока. И вот этот клоун в супермаркете был Рыжий! Только у него не было обычного напарника. В своем идиотском трико в желтую и оранжевую клетку, с огромным, ярко-красным накладным носом-шариком и рыжими лохмами, торчащими из-под синего колпака с желтым помпоном, он широко осклабился ярко намалеванным, от уха до уха, ртом, застывшим в вечной улыбке, а глаза... Глаза его были пусты, словно колодцы ледяной тьмы, и эта пустота была страшнее всего. Страшнее накладного живота, страшнее обкусанных ногтей на желтовато-серых каких-то мёртвых пальцах. Этот Рыжий стоял рядом с Санта-Клаусом, спрятавшимся в своей окладистой, но при ближайшем рассмотрении изрядно свалывшейся и траченной молю бороде, и на его животе висел на ремне маленький детский барабанчик, а в руке он держал жестяную детскую трубу-горн. Время от времени он резко трубил в горн, а потом, взяв в руки палочки, начинал тарыхтеть, выбивая мотивчик подобный тому, какой выбивает игрушечный заводной заяц, странного розового цвета, как будто бывают розовые зайцы. Он посмотрел на Стаса (*да нет же, он посмотрел на Джуда, потому что Стас-не совсем Стас и тогда его звали Джуд, его так звала мама, а отец... А где же был отец?*) и вдруг подмигнул ему, странно несуразный в своем клоунском колпаке рядом с привычно веселящим покупателей зимним Санта-Клаусом. Подмигнул и поманил маленького Джуда к себе, и Стас, замороженный льдистой пустотой этих страшных глаз, словно кролик, замороженный взглядом удава, выдернул свою потную ручонку из руки матери, и, медленно ступая, как будто он шел под водой, преодолевая ее сопротивление, двинулся к нему, утопая в этой пустоте, растворяясь в ней. Он очнулся только тогда, когда мать, догнав его и шлепнув по заду, схватила его за руку и резко рванула к себе. И тогда он, запоздало испугавшись, заревел во весь голос, на весь супермаркет. Он ревел, некрасиво разевая рот, он орал благим матом и дрыгал ногой в черном стоптанном башмаке, весь покрывшись потом внутри своего теплого, в крупную клетку, пальтишка. И вот теперь, снова, через много-много лет он услышал этот мотив, этот призыв, который тогда так властно повлек его к себе, только на этот раз рядом не было матери, которая

остановила его и не дала узнать, что же сокрыто в этой пустоте, страшной льдистой пустоте, живущей отдельной, самостоятельной жизнью внутри его воспоминаний. Теперь никого, кто мог бы его остановить, не было рядом, и ему представился шанс, такой, который выпадает только раз в жизни, шанс узнать, что таилось там, в этом взгляде. Стас встал с кровати и, ступая босыми ногами по холодному полу, добрал до двери и выглянул за нее. Все было так, как он и ожидал. Пустой зал супермаркета, ярко освещенный электрическими люстрами и, как тогда, в холодную зиму сорок второго, ближе к обувному отделу, стоял Рыжий, в своём трико с накладным животом, и на животе его висел детский барабанчик, в который он старательно колотил, выбивая ту самую мелодию, тот самый ритм. Увидев Стаса он оставил барабанчик в покое и поднес к губам жестяную трубу-горн. Резко протрубив в нее, он опустил трубу и поманил его к себе.

– Пойдем, малыш, – усмешка ярко намалеванного рта дрогнула. – Пойдем! Я ждал тебя!

– Ждал? – удивленно спросил Стас. – Ты ждал меня? Ты точно ждал именно меня?

– Конечно, – Рыжий снял барабанчик с себя и медленно положил его на пол рядом с трубой. – Разве ты не знала, что я жду? Всегда жду. И не только тебя!

– Но, – Стас замялся, – вдруг еще кто-то придет? А мы уйдем? Что тогда будет, если ты кого-то не дождешься, пока мы будем идти вместе?

– Ничего страшного! – Рыжий протянул Стасу руку. – Ничего страшного, малыш! Если не дождусь сейчас, так дождусь потом. Я не тороплюсь. А если не торопишься, то и не опаздываешь, ведь так?

– Не знаю, – пожал плечами Стас. – Я, правда, не знаю...

– Зато я знаю. Я ведь не тороплюсь! Я просто жду и не тороплюсь! – Рыжий строго посмотрел на Стаса. – Ты должен мне верить, малыш!

– Почему малыш? – обиженно спросил Стас. – Я давно не малыш, мне уже много лет!

– А, пустяки, – безмятежно махнул рукой Рыжий. – Разве это имеет значение? Для тебя, для меня... Самое главное, что мы теперь вместе, и мама не сможет остановить тебя. Пойдем, – он потянул его за руку. – Ты ведь так хотел узнать, что там, куда мы с тобой идем. Хотел?

– Да! – Стас Кейхил согласно кивнул головой, а Рыжий, торжествующе улыбнувшись, повернулся и медленно пошел вместе с ним по скользкому холодному полу через весь торговый зал, и Стас пожалел, что у него босые ноги, потому что от ног поднимался холод и расползался ознобом по всему телу. В дальнем углу, там, где мерк свет от люстр, смутно виднелись наваленные горой прилавки и какие-то, стоящие как попало, стеклянно отсвечивающие своими стенками, шкафы, и оттуда пахло пылью и солоновато-удушливым запахом тлена. Стас оглянулся и поразился тому, как далеко они ушли от ярких люстр торгового зала. Перспектива, суживаясь, смыкалась в точку, яркую точку, наполненную сиянием электрического света, такого теплого и уютного, как будто стоя на улице смотришь сквозь мельтешащие снежинки, влекомые порывами сердитого северного ветра на теплый уют комнаты за окном, и там перемигивается свечами рождественская елка, заканчивается сочельник, и в этом мельтешении минут и снежинок кажется, что вот-вот увидишь в небе Санта-Клауса, мчащегося на своих быстрых оленях. Почему-то Стасу вдруг захотелось вернуться назад, в уютную привычность, но это желание, едва вспыхнув, погасло, и он продолжал послушно идти за Рыжим, который вел его за руку в пыльную темноту, туда, где за прилавками и шкафами смутно угадывалась дверь, такая же пыльная и заброшенная, как и все, что ее окружало.

– Куда мы идем? – спросил Стас, поеживаясь от озноба.

– Туда, – махнул рукой вперед Рыжий. – Сам видишь.

– Ничего я не вижу, – сварливо сказал Стас. – Темно, пыльно, шкафы какие-то наставлены. Это и есть то, что ты обещал показать?

– Ну что ты, малыш, – усмехнулся Рыжий. – То, что я хочу тебе показать, находится там, за дверью.

- А там хорошо? – поинтересовался Стас Кейхил.
- Конечно! – восторженно сказал Рыжий. – Там очень хорошо. Тебе понравится.
- Врешь ты все! – обиженно сказал Кейхил внутри Стаса. – Мне всегда говорят, что там, куда идешь очень хорошо, а на самом деле оказывается, что не очень. Когда меня водили к дантисту, то тоже говорили, что там хорошо, а на самом деле было очень больно.
- Что, в самом деле, так больно? – прищурился Рыжий.
- Ну, не так уж, – гордо поднял плечи Стас (*или же это был Кейхил, повзрослевший Джуд Кейхил*). – Что я, в самом деле, маленький что ли. Но все равно, больно было.
- Ай-яй-яй, – покачал головой Рыжий. – Вот видишь, правду говорят: не верь на слово. Но теперь-то ты знаешь, что дантист, это не так уж страшно?
- Знаю! – сказал Стас. – Но все равно, мне немного страшно.
- Ничего, ничего, – успокоил его Рыжий, – раз надо, значит надо и нечего бояться!
- Да! – согласился Стас и, немного подумав, спросил. – А ты давно меня ждал?
- Я? – Рыжий искоса глянул на него. – Да как тебе сказать? Я ведь все время жду, поэтому... Не знаю, право слово, не знаю. Но я тебя ждал! Я всегда делаю то, что обещаю.
- Это хорошо, – удовлетворенно сказал Стас Кейхил. – Ты меня не обманываешь?
- Никогда! – торжественно отчеканил Рыжий. – Обманывать нельзя!
- Да-а, – Стас посмотрел на него с подозрением, – все говорят, что обманывать не хорошо и нельзя, а сами только и делают, что обманывают!
- Нет, малыш, – Рыжий улыбнулся. – Ты не прав. Не все обманывают, не все. Они... Ну, в общем, когда они говорят, то сами искренне верят в свои слова, а потом... Потом просто что-то мешает, и они не успевают. И сами переживают за это, а ты думаешь, что тебя обманули. Их тоже надо понять, хоть это и очень трудно. Дела, проблемы... Вот так!
- И все равно, – упрямо сказал Кейхил внутри Стаса, – все равно обманывают. Их дела – просто отговорки, такой же обман. Хотя, знаешь, – он сконфуженно потупился, – мне тоже приходится обманывать... Иногда. Но, честное слово, – он заторопился в словах, – это происходит нечаянно. Я не хочу этого, а оно само получается!
- Зря ты так, малыш, – строго сказал Рыжий, – зря. Обманывать нехорошо. Очень нехорошо. Тебе надо исправиться!
- Я больше не буду, – стыдливо прошептал Стас.
- Правда, не будешь? – строго спросил Рыжий. – Смотри... Я запомню эти слова, и если ты не дай бог еще раз обманешь...
- Я, правда, больше не буду, – сказал Стас, и глаза его наполнились слезами.
- Ладно, ладно, не плачь, – успокаивающе проговорил Рыжий. – Я тебе верю. Я знаю, ты хороший! Не надо плакать!
- Я не буду, – тихонько прошептал Стас.
- Ну и хорошо, – сказал Рыжий. – Слезы тут не помогут. Наоборот, надо сделать для себя выводы и исправиться, чтобы не стыдно в глаза людям смотреть было.
- Я обязательно исправлюсь, – сказал Стас, – обязательно.
- И тут, среди зеркальных отражений, дробящих самое себя, Стас увидел медленно идущую ему навстречу тень, которая разделялась на отражения и вновь собиралась в одно целое. Присмотревшись, Стас узнал эту тень, а как только он ее узнал, тень оформилась, проявившись, как фотография, и обрела плоть. Медленно ступая навстречу ему, шла его мать. И хотя он понимал, что ее не может здесь быть, она, тем не менее, была, присутствовала, она существовала.
- Мама? – удивленно проговорил Стас, – МА-МА! – крикнул он во весь голос, не обращая внимания на Рыжего, словно его и не было здесь.
- Стас? Как ты тут оказался? – строго спросила мать. – Разве ты забыл, что нельзя одному уходить от дома?

– Я... – Стас-Кейхил замялся, – я... Я не хотел идти, но так получилось!

– Ай-яй-яй, – укоризненно покачал головой Рыжий, – как нехорошо. Ужас, как нехорошо. Ты же сам хотел. Сам хотел узнать. А сейчас говоришь, что не хотел. Не пойму я тебя.

– Стас, – голос матери взвизгнул как скрипичная струна, и она выступила из тени. – Немедленно возвращайся! Нельзя уходить из дома, потому что ты можешь потеряться и не вернуться назад! Тем более, нельзя уходить из дома с незнакомцами. Тебя заведут невесть куда, и что прикажешь потом делать?

– Мама... – Стас вдруг почувствовал, как защипало глаза и защекотало в носу. Он сморщился, всхлипнул и вдруг заплакал. – Мама, – горько проговорил он, – почему тебя так долго не было, почему? Мне... мне страшно, я боюсь!

– И правильно делаешь, что боишься, Стас! – строго сказала мать. – Ведь прекрасно знаешь, что поступаешь неправильно, и, тем не менее, продолжаешь делать. Мне за тебя стыдно. Могут подумать, что я не умею воспитывать тебя. Что скажут знакомые?

– Но я ничего такого не делал, – всхлипнул Стас. – Я просто хотел узнать, что находится там. Там, куда ты меня непустила тогда. Ну, помнишь, зимой. Я тогда спрашивал у тебя, но ты сказала, что там ничего нет, кроме пустых сломанных и покрытых пылью прилавков. Ты зачем-то солгала мне. Солгала. Ты знала, что там еще что-то есть, но, тем не менее, не сказала мне правды! Зачем?

– Затем, что нельзя уходить одному, – медленно и устало сказала мать, и Стас (*или же Кейхил?*) с горечью посмотрел на нее.

– Пойдем, – Рыжий дернул его за рукав. – Пойдем, малыш. Нам ведь надо идти.

– Постой, – Стас замялся, – я... я не могу так. Мы уйдем, а она останется? Ведь так нельзя!

– Пойдем, – Рыжий дернул его сильнее, – если пошел, то надо идти! Идти и не останавливаться на полпути. Мы ведь уже почти пришли, осталось совсем чуть-чуть, осталось-то всего ничего! Ты что, послушал ее? – он искоса взглянул на Стаса.

– Не ходи! – резко сказала мать. – Ты же знаешь, что нельзя туда идти.

– Я не знаю, – растерянно пробормотал Стас-Кейхил. – Я, правда, не знаю. Ты говоришь, что нельзя идти, а он, – Стас показал на Рыжего, – говорит что, наоборот, там очень хорошо и мне надо идти туда. Мама, там как, интересно? Там есть игрушки? И там тоже есть Новый Год?

– ТАМ НИЧЕГО НЕТ! – Стас с ужасом увидел, как она искажилась и затрепетала как травинка на ветру, и вдруг он и вправду почувствовал, как порыв холодного ветра хлестнул его. Ветер прорвался из-за двери, неся с собой запах пыли, тлена и еще чего-то отвратительного, что вызывало тошноту, омерзительную холодную тошноту, зеленоватым светом пробивающуюся в глаза. Этот зеленоватый отсвет пробивался в дверные щели и размывал силуэт матери, а Рыжий все сильнее тянул его за собой, и Стас, которому это совсем не нравилось, упирался, уже не желая ни куда идти, и когда силы его почти иссякли, он, что было сил, закричал: МАМА!

– ТАМ НИЧЕГО НЕТ, – ужасающе низко пророкотало там, где стояла его мать, и вдруг зеленовато светящийся силуэт, зеленовато светящаяся тень что есть силы ударила Рыжего, и он весь сразу разлетелся на кусочки, как будто взорвавшись изнутри и со стеклянным звоном разлетелся по полу, картонная трубочка калейдоскопа сломалась, и треснуло матовое стеклышко в дне и высыпались разноцветные стекляшки. Стеклянисто позванивающие осколки, сохранившие цвет трико Рыжего, скользили по полу и терялись в смутном отблеске далеких электрических люстр, светящих из давно прошедших времен. Ошарашенный Стас оглянулся на свою мать, которая растерянно стояла над осколками Рыжего, устало опустив руки. Швы ее любимого вишневого платья проросли каким-то бледным и желтовато-белесым мхом, а ее туфли были такими пыльными, словно пролежали где-то не одно десятилетие.

– Стас, – строго сказала мать. – Он сказал тебе неправду. Там, за этой дверью ничего нет. Совсем ничего. Только пустота. Я не могу пустить тебя в пустоту, потому что эта пустота...

Она высосет тебя и от тебя не останется ничего. Там ничего нет, и там не будет тебя, Стас! Мне очень жаль, и я не хочу этого. Уходи. Уходи домой и всегда помни: нельзя уходить из дому, потому что можешь потеряться и не найти дорогу домой! – Она затрепетала, расплываясь в потоках могучего света, льющегося из-за двери, и махнула ему рукой. «Уходи», – еле слышно донеслось до него, и она исчезла.

Осколки Рыжего хрустели под ногами и резали босые подошвы, когда Стас, понурившись, возвращался назад к яркому электрическому свету люстр детства Джуда Кейхила. Все оказалось ложью. То, что он так хотел познать, просто-напросто не существовало! Все было напрасно. «Они всегда обманывают» – как бы со стороны услышал Стас, услышал и вдруг понял, а, поняв, ужаснулся, ужаснулся тому, что теперь он никогда не сможет понять, где правда, а где ложь. «Они всегда обманывают!» Это было кошунственно, ужасно, это рождало страх. Он растерянно закружился на месте. Сюда его привели, но отсюда дороги не было. Он не мог вернуться, потому что некуда было возвращаться. И вдруг (О, как часто возникает это «вдруг») он услышал, что его окликнули: «Стас! Джуд!» – Он закрутил головой, пытаясь увидеть того, кто позвал его, но зал был пуст, и только далеко впереди, там, где смыкался в точку яркий электрический свет люстр, послышалась ему музыка, дурацкий ритм, отбиваемый на детском барабанчике, висящем на ремне поверх накладного живота Рыжего. И тогда Стас устало опустил на пол. Он не торопился, ибо он не мог опоздать. Спешить было некуда. Стас знал, что теперь он точно заблудился, потому что куда бы он отныне не шел, он всегда должен был попасть в тот зал супермаркета, где ждал его Рыжий. Он подумал и попался в свои же собственные сети, которые расставил сам себе.

– Иуда! Проснись! – услышал Стас у себя над ухом повелительный голос и послушно открыл глаза. Низкий беленый потолок, пересеченный грубой, потемневшей от времени деревянной балкой, нависал над ним. Был утренний час. Веселые рыжие лучи солнца нахально лезли в маленькое оконце комнатухи, в которой он лежал. Пожилая женщина, сохранившая, несмотря на годы, девичью стройность, стояла у его ложа. На ней была простая миткалевая рубашка, закрывавшая щиколотки ее маленьких ног, обутых в сандалии из хорошо выделанной кожи.

– Раав? – спросил Стас.

– Слава богам! – женщина громко крикнула в глубину дома. – Иасон, Ермий! Идите сюда! Слава богам, он очнулся.

– Ты молодец, Ермий, – услышал Стас глухой бас где-то неподалеку. – Я уже приготовился к самому худшему, но, слава богам, он очнулся! – а затем в поле его зрения возник плотный чернобородый мужчина в чистом таллифе теплого охряного цвета. Рядом с ним показался старик с аккуратно уложенной седой бородой. Он внимательно посмотрел на Стаса, подержал его за руку, посчитал пульс, сосредоточенно шевеля губами и устало повернулся к чернобородому.

– Ну что ж, Иасон, на этот раз мы победили болезнь. О цене мы с тобой вроде тоже условились, так что теперь я появлюсь только завтра, чтобы еще раз посмотреть брата твоего. Лекарственный настой я оставляю дочери твоей, коль уж она столь самоотверженно ходит за братом твоим, пусть дает его три раза в день, до еды. – Он глянул на Кейхила-Стаса. – А тебе, Иуда, я могу пожелать только одного: поскорее поправиться.

– Иасон, – хрипло позвал Стас. – Который сегодня день?

– Сегодня второй день месяца мухаррам, – сказала неслышно подошедшая Лоида, озабоченно глядя на Стаса. – Ты пролежал больным четырнадцать дней. Четырнадцать дней жизнь и смерть боролись за тебя, и порой нам казалось, что чаша весов склоняется в сторону мира мертвых, но, слава богам, все обошлось. – Она повернулась к Иасону. – Он ведь пока остаётся жить у нас? Идти-то ему некуда.

– Некуда? – удивленно спросил Кейхил. – А мой дом? Что с ним? У меня же есть дом?

– Твой дом... – недовольно ответил Иасон, – ну, одним словом, его нет больше. Какое-то время тебе надо будет провести у меня. – Стас продолжал следить за ним взглядом. – Ну что ты на меня так смотришь? – взорвался Иасон. – Твой дом были вынуждены сжечь, сжечь дотла. Они решили, что у тебя был Черный мор! Понимаешь, Черный мор! Они и меня сожгли бы дотла, если бы ты не выжил, спасибо Ермию и богам. И мы никто не заболели, слава богам. Ермий единственный сказал, что это какая-то колдовская разновидность Черного моря, которая не затрагивает других. Но если бы ты умер, то тогда ничего не помогло бы. Сейчас моя семья скиталась бы без крова, если бы мы вообще остались живы. Боюсь, что в случае твоей смерти, нас всех забили бы камнями, как преступников, нарушивших. Закон. Но, слава богам, все обошлось. Все живы, ты пошел на поправку, и теперь все будет хорошо. Скажи спасибо Лоиде, она ведь не отходила от тебя, поила тебя и перевязывала твои язвы.

«Они всегда обманывают» – подумал Стас и прикрыл глаза. Рыжий стоял рядом и держал его за руку, и потная маленькая ладошка Стаса Кейхила целиком уместилась в его ладони с обкусанными ногтями на грязных пальцах. «Ну что, малыш, – беззвучно спросил Рыжий. – Как тебе это нравится? Взяли и сожгли дом... Молодцы, – неодобрительно добавил он. – И куда же теперь тебе идти?» Стас открыл глаза. Идти было действительно некуда. То, что он считал последним прибежищем, оказалось самой обычной ложью. «Они всегда обманывают, – грустно сказал Стас сам себе, – и мне теперь все равно. Я ушел и потерялся и теперь никогда не найду дорогу домой. И как мне быть, я не знаю! Я думал, что там, за этой дверью что-то есть, а там ничего нет. Хотя... – он поежился, – ОНИ ВСЕГДА ОБМАНЫВАЮТ!»

– Иуда, Иуда, очнись, – доносился откуда-то женский голос. Стас проснулся. Потянувшись, он приоткрыл глаза и увидел склонившуюся над ним Лоиду (Лоиду ли?). Она держала его за руку и буднично произнесла: – Ну что? Как спалось?

Почему-то на ней был странный наряд, во всяком случае, Лоида просто не могла быть так одета, потому что таких нарядов в её время не существовало вовсе. Голубая рубашка из какой-то переливающейся ткани была заправлена в прямую серую юбку, длиною чуть выше колен, а на ногах у нее было обуто что-то вообще невообразимое. Но это было красиво... по-своему! Хотя и не привычно. Увидев, что Стас проснулся, женщина (*Кто это мог быть? – подумал Стас. Лоида? Да нет, навряд ли это была Лоида. Скорее уж это была Селинда Слоссон.*) отпрянула в сторону и, облегченно переведя дух, отпустила его руку.

– Уф! Ну и напугали же вы меня, Кейхил, что с вами случилось? – она улыбнулась. – Сидели, разговаривали, и вдруг уснули. Вам что, плохо?

– Я... Мне, да мне плохо, – тихо сказал Стас. – Кто вы? И вообще: где я?

– Вы? – женщина удивленно взглянула на него, – вы что, не в себе, профессор?

– Я профессор? – Стас огляделся. У него был дикий вид. – Где я, черт меня возьми! Вы можете мне это сказать? Хотя бы это, коль уж не хотите назвать свое имя.

– Успокойтесь, – ровно сказала женщина. – Вы что, забыли? Мы пили кофе на вашей кухне, потом вы вдруг выключились... Еще вопросы есть?

– Да нет! Теперь, в принципе, понятно! – сказал Стас (*Они всегда обманывают! – промелькнуло у него*) – И что же дальше?

– Дальше? – удивленно переспросила она. – Дальше ничего. Сейчас придет Доктор. Он намерен побеседовать с вами.

– Прекрасно! – воскликнул Стас. – Прекрасно! Вы что, меня за дурака считаете? Доктор Слоссон, – передразнил он. – Лоида, дочь брата моего Иасона... Да у меня никогда не было брата по имени Иасон! Какого черта вы вообще все это затеяли? Зачем? Неужели в этом есть какой-то смысл?

– Смысл всегда есть, дорогой мой, – услышал Стас голос позади себя и медленно оглянулся. Доктор (*или же это был Лыков*) стоял возле двери, опираясь рукой на косяк. – Смысл всегда есть! – повторил он и прошел в комнату.

– Какой же? – тихо и зло спросил Стас, – какой же во всем этом есть смысл?

– А какой хотите, – безмятежно ответил Доктор. – Какой смысл вам понравится, тот и выбирайте!

– Что за бред вы несёте?! – возмущённо воскликнул Стас. — Полнейшая чушь! Смысл всегда должен быть общим для всех, а не такой, какой хочу я, к примеру...

– Ну почему же, – усмехнулся Доктор. – Смысл не обязательно должен быть всеобщим. Каждый вкладывает в происходящее свой смысл, значит, смысл не есть объективная реальность, а всего лишь субъективное отражение реальности. Мы видим зеркало мира, все отражается в нем, а кривое оно или нет: это уж как кому повезет.

– Вы сумасшедший! – в полном отчаянии сказал Стас. – Вы самый обыкновенный сумасшедший! Я понял это ещё тогда, утром, когда вы появились с предложением излечить меня от несуществующего алкоголизма. И вообще: какого чёрта вам понадобилось прикидываться каким-то полковником? Нет... Вы точно сумасшедший!

– Э нет, – весело возразил Доктор и лицо его расплылось в довольной ухмылке. — Я не более сумасшедший нежели вы... Вам-то вот, к примеру, какой смысл ввязываться во все эти проблемы АНБ? Неужели вас так волнуют проблемы производства наркотиков? Ну я ещё мог понять Кейхила, он-то хоть на этих древних рецептах себе деньги зарабатывал, а вы?

– Ну, во-первых вы меня сами во всё это втянули, а... -Стас внезапно умолк и нервно дёрнул шеей. – Да кто же вы такой, чёрт меня побери? — Лицо Стаса пошло красными пятнами. – Откуда вы вылезли, из какой преисподней? Или же... – он замолчал и закрыл лицо ладонями. – Господи, какой ужас, – тихо проговорил Стас, – как же я сразу не догадался? – Он отнял ладони от лица и взглянул в глаза Доктора, которые были пусты словно колодцы ледяной тьмы, и эта пустота, страшнее которой ничего нет, завораживая, тянула его в себя. И снова послышался дурацкий марш из коридора, марш Рыжего клоуна, марш розового зайца, на накладном животе которого висит жестяная дудочка-горн, в который резко и пронзительно трубит Рыжий.

– Ты меня ждал? – трудно спросил Стас, и Рыжий кивнул в ответ.

– Да! Я тебя ждал! – он улыбнулся своей намалеванной от уха до уха улыбкой. – Ты удивительно догадлив, малыш!

– Господи, – тихо проговорил Стас, -Лыков, Доктор, ты... одно целое? Господи!

– Ну, во-первых не одно целое, а во вторых-причём тут Господь? -Доктор с сожалением посмотрел на Стаса.-Думаешь Господу есть дело до тебя, незаметной единички из семи с хвостиком миллиардов незаметных единичек? -Ухмылка кроваво-красного разреза глумилась над Стасом и он замирал от иррационального страха, тонул в нём, захлёбывался мутной зловонной жижей.

– Кто ты? -тихо спросил Стас и Доктор ухмыльнулся.

Я уже сказал тебе, что те личности, которые предстали перед тобой не есть одно целое. – назидательно повторил Доктор, – Это просто разные формы Единого. Вообще-то, – он доверительно наклонился к Стасу, – у меня, знаешь ли, много обличий. Но, несмотря на эти разные формы, сущность моя неизменна.

– Значит, ты был всегда? И был, и есть?..-устало спросил Стас (или же Кейхил?)

– Почти что, – хитро сощурился Доктор и извлёк из-за пазухи туго надутый воздушный шарик, переливающийся всеми цветами радуги, – хотя, в принципе, тебе-то что за печаль до этого? Сущность неизменна и неуничтожима! Вот так-то, дружище! Те обличья, что предстают перед тобой, они, вроде как обертки на конфете. Конфета, друг мой, это одно, а обертки – совсем другое. Обертка может принять форму конфеты, а вот конфета не может принять форму обертки. Так? И шарик вот, переливается, и объём его, и физическая форма... Всё кажется таким реальным, хотя, в принципе, воздух-то там тот же самый, что и вне его... Забавно?

– Бред какой-то, -на Стаса вдруг навалилась свинцовая усталость, – к чему ты говоришь всё это?

– Ну, в общем-то, к тому, -засмеялся Доктор, – что видимое тобой не всегда есть реальность. Видимое может иметь какие-то черты присущие реальному, но, тем не менее, это не сама реальность. Ай-яй-яй, Стасик, я вынужден объяснять тебе краеугольный камень теории познания. Тебя, вообще-то, хоть чему-нибудь когда-нибудь учили?

– Чему надо, тому и учили, – сердито буркнул Стас.

– Ну, значит, не тому учили, – ехидно сказал Доктор и фельдшерица вдруг захихикала как дурочка.

– Так значит, – Стас зло взглянул на Доктора, – все это, – он повел рукой вокруг себя, – ты специально сделал, чтобы заполучить меня? Боже, Боже, -быстро пробормотал он, -как всё глупо, бездарно. Зачем? Зачем это произошло?... Если я столь важен для тебя, то можно было найти какой-нибудь другой путь для достижения цели.

– А чем плох этот? – пожал плечами Доктор. – Ну, скажи мне, чем плох этот путь? И вообще... Ведь я еще не сказал тебе, что все, что вокруг тебя служит лишь одному: заполучить тебя. У тебя непомерное самомнение, Стас, – презрительно сказал он. – Ты считаешь, что все было затеяно ради тебя? Чушь! Полнейшая чушь!

– А ради кого же все это было затеяно? – растерянно спросил Стас.

– Нет, ну ты, право слово, слишком высокого мнения о себе самом! А может я всё это затеял вот ради неё, к примеру? – спокойно проговорил Доктор, глядя на Стаса из-под полуприкрытых век-Ради, э-э-э-э, как вас там, милочка? Селинда?

– Ради нее? – Стас смерил его взглядом и почесал подбородок.

– Да ладно, ладно тебе, успокойся —весело засмеялся Доктор.-Конечно же не ради нее, честное слово! Это было бы, по меньшей мере, не слишком разумно.

– В твоих поступках, на мой взгляд, вообще мало разумного, – поднял глаза Стас.

– Это на твой взгляд, – спокойно возразил Доктор. – А на мой – все очень даже логично. В конечном итоге, если мне удастся сделать то, что мне нужно, причем с наименьшим риском и с минимальными затратами энергии, то я могу спокойно констатировать, что тот путь, который я избрал – оптимален! Можешь меня опровергнуть?

– Не могу, – устало покачал головой Стас. – Не могу, да и, если честно, не собираюсь. Я вижу лишь то, что я вижу. А вижу я, что ты разыграл какую-то комедию, что-то похожее на абсурднейший фарс. Ради чего?

– Ну, дорогой мой, насчёт фарса ты не прав! -Доктор потянулся, заложив руки за голову.

– Почему же? – спросил Стас. – Почему я не прав?

– Потому что ты не знаешь моих мотивов. Догадываешься, наверное, но, -Доктор усмехнулся, – не знаешь. Поэтому тебе трудно судить о том, верно ли я поступил, и почему я поступаю так, как я поступаю... И вообще, -он доверительно наклонился к Стасу, -давай работать вместе, а? Закрутим такое дельце, что весь мир на уши встанет!

Весьма польщен, – буркнул Стас, – но уволь меня от такого удовольствия! Что-то мне не хочется пополнить ряды твоих сторонников. И вообще, – он прищурился, – а что, если ты мне попросту пудришь мозги? Шизофрения, мания величия, ну, и тому подобные вещи??

– Твои сомнения понятны, – усмехнулся Доктор, – но биться в истерике, разуверять тебя, я не собираюсь. И вообще: какого дьявола ты полез в такие дебри, а? Возомнил себя психоаналитиком? -Он крепко потёр руки. Лицо его выражало крайнюю степень воодушевления.-Я ведь предлагаю тебе не какую-то там глупую идейку, я предлагаю тебе стать моим «альтер эго», так сказать, подчинить свою сущность мне и тем самым обрести так искомый каждым человеком покой и безмятежность! Потерять свою сущность... -Он мечтательно сощурился.-Разве может быть что-то лучше? Освободиться от ответственности за свой выбор! Высшая степень свободы!!!

– Лжешь ты все! – прервал его Стас. – Для меня потеря моей сущности и есть та самая смерть, о которой ты сказал мне, как о вечной пустоте. Так что, выбор мой, пожалуй, небогат. Но коли мне все равно умирать, то ты вообще не рискуешь ничем. Вся эта информация умрет вместе со мной. . . Верно? Что за черт, – Стас с силой потер лоб. – Чертовщина какая-то. Но я же все помню! – с отчаянием сказал он.

– А что ты помнишь? – вкрадчиво спросил Доктор (*или же это вновь возник Рыжий?*). – Это? – и тотчас Селинда послушно проговорила на арамейском: «Иасон шлет тебе привет, Иуда!» – Или же это? – Он вскочил с кресла, и вдруг Стас услышал дурацкий марш из дурацкого плеера. – Или это? – и Стас увидел себя (или же Кейхила?) в зале супермаркета, а по холодному грязному полу, сквозь шарканье множества подошв маршировал розовый заяц из его детской, что есть силы колотя в игрушечный крохотный барабанчик, висящий на его накладном животе и улыбаясь страшным кроваво-красным разрезом намалеванной от уха до уха улыбки! – Так что же ты помнишь, Стас, какая реальность реальна, а какая – выдумка?

– Но я же все помню, – еще раз повторил Стас. (*Мама, мама, как ты была права. Как ты была права, права во всем! Нельзя уходить одному из дома, потому что можно заблудиться и не найти дорогу домой. «Я заблудился! – с отчаянием подумал Стас. – Заблудился и не могу найти дорогу. О боже! Я заблудился! Господи, помоги мне!»*) Отчаяние его было безгранично. – Я все помню! – еще раз повторил он и обхватил руками голову, Доктор и Селинда с любопытством, ясно читаемым в их глазах, пристально наблюдали за ним. Он поднял на них взгляд, полный муки и ненависти. – Зачем? – хрипло спросил он, – ЗАЧЕМ?

– Хм! Трудный вопрос, – Доктор сморщился и поглядел на фельдшерницу. – Действительно, а зачем? Может, потому что мне так захотелось? Или же в этом всё-таки что-то есть? Что-то, что находится и вне меня, и вообще: вне этого мира? – задумчиво, как бы говоря сам с собой, спросил Доктор, не обращая ни к кому в частности. – И все-таки, профессор, – он поднял на Стаса глаза, сверкнувшие янтарным огнем, – мне просто интересно, отдаете ли вы себе отчет, в какой реальности сейчас находитесь?

– Да что вы, черт вас побери, ко мне прилепились с этой своей реальностью? – закричал Стас. – Что она так вам далась? Хотите убить меня, так и убейте! Убейте и дело с концом. Какого черта вы меня мучаете? Проклятый садист, грязный убийца, палач чертов!

– У-у-у! – покачал головой Доктор. – Какая патетика, какая экспрессия! И сколько ненужных слов. Палач, убийца. . . Надо же! – он хмыкнул. – Вы сейчас кричали так, как будто вас режут. . . Что с вами? Опять потерялись? Ай-яй-яй, – сокрушенно покачал он головой. – Какая досада! Надо же! Только-только вылезти, только обрести какую-то, пусть и хлипкую, почву под ногами и вдруг опять! Бах, и в луже! Такой большой, мерзкой зловонной луже. Тут действительно, с ума можно сойти!

– Боже, боже спаси меня! – Стас заткнул уши, чтобы не слышать этот ненавистный вкрадчивый голос. Крепко зажмурившись, он покачивался взад и вперед и тихонько шептал: Боже, ну сделай же хоть что-нибудь, чтобы прекратить эту муку. Господи, помоги мне, помоги! Я схожу с ума, я схожу с ума, господи, избавь меня от этого! —Он поднял голову и уставился на него. – Я вас ненавижу! О, если бы вы знали, как я вас ненавижу! Будь это в моих силах, я растерзал бы вас!

– Ну, коль это не в ваших силах, – усмехнулся Доктор, – то и говорить об этом нечего. Да и что бы это вам дало? Спокойствие? Навряд ли! Тут стоит лишь начать, толкнуть первый камешек с горы, а дальше все обратится в лавину, всесокрушающую лавину, которая неудержимо понесет вас черт-те его знает куда, в такую преисподнюю, такую бездну духа, о наличии которых в себе вы и не подозревали! Хотя нет-нет, вам-то это знакомо как никому – он усмехнулся и пожал плечами, – впрочем, если вам так уж этого хочется, то рискните. Решили отправить меня в мир иной – пожалуйста! Мой чемоданчик со шприцами вам подойдет? Или чем другим предпочтёте воспользоваться? Чем-нибудь поэкзотичнее? – он встал из глубокого

кресла и подошел к камину. – Ага, вот это будет в самый раз, – задумчиво пробормотал он и, наклонившись, поднял с решетки тяжелую кованую кочергу. Обернувшись к Стасу, он протянул ему кочергу и усмехнулся. – Ну, что же вы, дружище? Вот ваш шанс обрести себе свободу, если у вас только духу на это хватит. — Доктор широко ухмыльнулся, -Но вы мне нравитесь! Вы сбросили личину бесстрастности, обнажили свою живую душу, и это весьма похвально! Ненависть очень сильная эмоция. Наконец-то вы начали понимать, что вас учили не тому, что цепь вашего рабства скована из вашей робости, вашей мнимой бесстрастности, и что именно в ненависти заключена высшая сила, в которой человек обретает бессмертие и величие. Слабого ненависть сожжет дотла, сильного сделает равный богам. Так что, ненавидьте меня, ненавидьте весь свет, себя, черт возьми, и в этой ненависти обретите силу духа! Я, можно сказать, вас от себя самого спасаю, а вы мне кричите – убийца-Он ухмыльнулся.-Дорогой мой, я не убийца! Знаете ли, я, в принципе, стою намного выше этого. Мне нет нужды становиться убийцей.

– И, тем не менее, – прервал его Стас, яростно сверкнув глазами, – вы убийца! Только убиваете вы не ножом или пулей, а убиваете словом, насмешкой, жестом!

– Пфуй! Милейший, это вы о чём? — Доктор с усмешкой поглядел на Стаса. – Ну, знаете ли, это вы чересчур! Это вы уж лишку хватили! Да и вообще, дорогой мой, кто бы говорил, а? Прямо-таки абсурд, нонсенс какой-то получается. Ну ладно, ладно, -он лениво взмахнул рукой, -не стану спорить, словом убивать вы плоховато умеете. Нож и пистолет-вот ваше призвание Но вы-то сами, столько в мир иной отправили? И, -саркастическая ухмылка Доктора стала ещё шире, -добро бы за дело, а то ведь так, за сущую безделицу... Выполняли приказик чей-то... Боялись сказать не как все. Доносики там, руку помощи не протянули... М-да! Нет, дружище, -он покачал головой, -вы-то уж пострашнее любого монстра!

– Может быть и так – твердо и тихо сказал Стас *(Кейхил вылез из автобуса на остановке около заправки старика Хаджингса. Шел нудный осенний дождь, и бензоколонка отражалась в луже вместе с серым дождливым небом. Мокрые деревья настороженно всматривались в него и тянули к нему ветви, черные ветви, наполовину растерявшие свое золотобагряное осеннее убранство. Желтый пикапчик старика потерянно притулился у бокового входа, и на его капоте прилип ржаво-красный осиновый лист. Пахло мокрой землей, грибами, дождем и бензином. Следующая картинка: мать в халате и илепанцах на босу ногу стоит в раскрытой двери. В глазах у нее испуг. «Джуд! Папа в больнице, – говорит она. – Я не сообщила тебе. Он не хочет, чтобы я беспокоила тебя».* Она переминается с ноги на ногу. Стас смотрит на нее и хочет что-то сказать, но внезапная щемящая жалость перехватывает ему горло и он молчит. *За те месяцы, что он не видел ее, она вся усохла и постарела. Должно быть, она читает это в его глазах, потому что отступает назад и тихо, не то спрашивая, не то утверждая, говорит: «Я очень изменилась, да?»* Стас хочет сказать ей что-то бодрое и веселое, но ничего не приходит ему на ум, и он, сглатывая трудный комок, только молча кивает, и потом он долго стоит, заключив ее в объятия, а она тихо и горько плачет, спрятав лицо у него на груди и прижимаясь щекой к мокрой куртке... Тетя Клара сидит напротив матери на диване и держит чашечку с уже остывшим чаем, а мать, невидяще уставившись в окно, как заведенная раскачивается на стуле, прижав ладони к щекам. Тетя Клара монотонно бормочет ей: «Успокойся, Пэт, ну прошу тебя. Все закончилось. Теперь его уже не вернуть. Ну что теперь поделаешь. Утешься хотя бы тем, что он почти не мучался, и теперь ему хорошо! Все закончилось, его уже нет. Пэт, успокойся, умоляю тебя». Стас стоит, прислонившись к косяку. Горькие слезы душат его. Он хочет что-то сказать, что-то ободряющее и успокаивающее, но из его горла вырывается сдавленное рыдание, и он стремглав бросается по лестнице вверх, слыша, как тетя Клара гудит в столовой, монотонно, как заведенная, повторяя: «Пэт, ну успокойся, Пэт, дорогая, ты думай о том, что тебе надо держаться, ты не одна, Пэт, у тебя есть сын, посмотри, какой хороший мальчик,

Пэт». За грудиной возникает щемящая боль, она сдавливает сердце. Давит, давит его. Ничего нельзя сделать, ничего! И ничего нельзя изменить... Следующая картинка: Стас (или же Кейхил?) стоит, подняв воротник пальто и засунув руки в карманы. Старые перчатки плохо греют, а так рукам теплее. Злой северный ветер несет с собой колючие снежинки и наметает крохотные холмики возле сухих кустиков колючей травы. Длинный ряд старых кленов. Неопрятные голые ветви мотаются под порывами ветра. Тетя Клара, сухонькая и сгорбленная, стоит рядом с ним, опираясь на палочку. Глаза ее слезятся, и она то и дело вытирает их батистовым платочком, который судорожно сжимает варежкой. Теплая мужская шапка с наушниками немного великовата ей, и она выглядывает из глубины своего странного головного убора, как маленькая мышка из норки. Стасу даже кажется, что остренький носик ее прямо-таки по мышиному нюхает морозный воздух. Сегодня он уезжает. Уезжает очень далеко. На другой континент. Идет война в Корее, и долг зовет Стаса. Он едет, чтобы защитить демократию далеко-далеко от своего дома. Где-то там, в незнакомой ему Азии. Две рядом стоящие гранитные плиты в длинном ряду среди многих рядов подобных им. Сухая вымороженная земля и холодный посвист ветра. «Уильям Б. Кейхил. 23. 07. 1905 – 14. 11. 1949» и «Патрисия Э. Кейхил 16. 03. 1906 – 14. 11. 1950» две плиты рядом, так же, как и в жизни, они были рядом, отец и мать, два самых родных и близких человека, двое, которые дали ему жизнь. Кроме них у Кейхила никого не было. Вторая мировая война унесла всех, подобно тому, как приливная волна, нахлынув, захватывает с собой все, что только может и, бесшумно отступая, уносит с собой в море. Через четыре года после своего окончания она забрала отца, чудом выжившего тогда, в Арденнах. Мать пережила его всего лишь на год и скончалась день в день, не выдержав, судя по всему, одиночества. «Они гордились бы тобой, Джуд, – шамкает беззубым ртом тетя Клара, – Они гордились бы тобой!» Стас стоит сгорбившись, засунув руки в карманы пальто, и ежится под ударами пронизывающего ветра. Все кончено! Дом продан, и ему теперь некуда возвращаться. Некуда! «Стас! Зачем ты ушел из дома? И, вдобавок ко всему, ушел один?» – тихий шепот ветра доносит до него голоса из... из прошлого? «Ты же знаешь, что нельзя уходить из дома одному! Знаешь? Почему ты не послушался? Папа будет недоволен!» Стас стоит на пронизывающем ветру и чувствует, как леденеют дорожки слез на щеках. «Мамочка! Как ты была права! Нельзя уходить из дома одному, нельзя! Я потерялся, мама, я потерялся и теперь не могу найти дорогу домой. Ее нет, этой дороги! Ее нет, а теперь... Теперь нет и самого дома. Мне некуда возвращаться! Просто-напросто некуда! Я потерялся, мама, помоги мне, помоги хоть чем-нибудь! Дом продан и теперь это уже не наш дом. Мне некуда возвращаться! Я заблудился, мама! Дороги домой нет, потому что нет дома! Могилы и память! Вот и все, что мне осталось!» Стас молча стоит посреди замерзшего, продуваемого ледяным северным ветром, поля, рядом с ним опирается на палочку тетя Клара, единственная мамина подруга, которая была с ней всегда, все то время, что Стас помнит себя. Тетя Клара дала ему телеграмму, когда мама умерла, и она же присматривала за их опустевшим домом. «Они гордились бы тобой, Джуд!» – шамкает тетя Клара беззубым ртом и заходится долгим сухим кашлем. Она кашляет и все никак не может остановиться и вытирает мокрые покрасневшие глаза батистовым платочком, зажатым в варежке. У тети Клары артрит и она давно уже не одевает перчатки. «Они могли бы гордиться тобой!» – рефреном повторяет она, и он с ужасом понимает, что ей просто больше нечего ему сказать. «ТАМ НИЧЕГО НЕТ» – со страхом думает Стас. «МАМА! Я ЗАБЛУДИЛСЯ И НЕ МОГУ НАЙТИ ДОРОГУ ДОМОЙ». Холодный ветер высвистывает свою заунывную похоронную песню. Стасу до боли одиноко.)

Вы шизофреник, – хладнокровно констатировал Доктор. —Насчёт алкоголизма, не скрою, я ошибся. У вас очень резко выражена параноидальная симптоматика. Вы шизофреник и убийца, дорогой мой... И не надо переваливать на меня свои грехи!

То дерьмо, что вы устраиваете с психикой человека-почище всего остального будет, - хмуρο сказал Стас (профессор Кейхил).-Ваши штучки с...

– Мои штучки с..., плод вашего воспаленного воображения, – резко прервал его Доктор. – за которое я не несу никакой ответственности. *(Холодная зима сорок второго. Рыжий стоит рядом с Санта-Клаусом в своем идиотском трико в желтую и оранжевую клетку, с огромным, ярко-красным, носом-шариком и рыжими лохмами, торчащими из-под синего колпака с желтым помпоном. Его ярко намалеванный от уха до уха рот застыл в вечной усмешке. Глаза его пусты, словно колодцы ледяной тьмы. Пронзительный северный ветер треплет неопрятные ветки кленов, выстроившихся в солдатскую шеренгу вдоль поля, на котором ровными рядами торчат из промороженной земли гранитные плиты с именами. Их много, этих имен. Рыжий протягивает Стасу свою грязную руку с обкусанными ногтями. Снежинки падают на нее и не тают. Ветер заунывно воет в раструбе жестяного горна, висящего на накладном животе Рыжего. – Привет! – усмешка ярко намалеванного рта дрогнула, – Ну что, ты уже окончательно пришел? Я тебя дождался? – Санта-Клаус поворачивается к Стасу и одобрительно кивает ему. – Не бойся его мальши! – успокаивающе гудит он. – В сущности, он не такой уж плохой парень, каким его пытаются представить. – Траченная молью борода Санта-Клауса развеивается на ветру и треплется полы его бутафорской шубы. – Это правда! Он действительно дождался тебя. – Санта-Клаус невозмутимо смотрит на потемневший горизонт. – Будет сильная буря! – добавляет он.*

– Скорей бы! – Рыжий берет Стаса за руку своими ледяными пальцами. Глаза Санта-Клауса пусты, как и глаза Рыжего. Из них веет ледяным могильным холодом. Стас словно кролик, замороженный удавом, послушно подходит ближе. Холодный ветер бросает ему в лицо пригоршню колючих снежинок).

Улыбка Доктора стала еще шире. – А ведь ТАМ действительно НИЧЕГО НЕТ! Все есть только здесь, в «сейчас», в настоящем. Будущего еще нет, прошлого уже нет. Память порождает сонм призраков, воображение дарит напрасные ожидания! Вдумайтесь, милейший. Никто, никогда не смог получить того, что ожидал. Напрасны все потуги, напрасны ожидания! А вы с упорством, достойным лучшего применения, цепляетесь за иллюзорную значимость своего бытия! Ну не глупо ли?

Действительно, – Стас кивнул с сумрачным видом. – Картинку вы нарисовали – будь здоров! Сзади тьма, впереди мрак, а посреди – муки сплошные! *(Мама! Наконец-то я понял, от чего ты хотела предостеречь меня тогда, зимой сорок второго! Ты, как и положено матери, хотела охранить меня от этой правды, откладывая ее познание на потом, когда я стану старым и умудренным. Я очень благодарен тебе за это, хотя жертва твоя была напрасна. Не только ТАМ ничего нет, но и ЗДЕСЬ тоже пустота! Теперь-то я познал это, и моя жизнь превратилась в ад. Но в этом есть все же одно светлое место. Теперь я знаю дорогу домой... МАМА! Я НАШЕЛ ДОРОГУ ДОМОЙ! Я УЖЕ ИДУ! Я ВОЗВРАЩАЮСЬ!)* Поднявшись из уютной глубины кресла, Стас, с грустью поглядев на Доктора и фельдшерицу, казалось не обращавших на него никакого внимания, направился к окну. Тяжелая плотная портьера совсем не пропускала снаружи солнечного света, и Стасу мучительно захотелось увидеть этот чистый радостный свет, несущий отраду всему живому, этот вечный свет, стоящий над всеми бедами и радостями мира и не зависящий ни от кого. Это желание было таким могучим и всепобеждающим, что Стас, не в силах более выносить сумрак плотно зашторенного помещения, всем своим грузным телом, с размаху, ударился в стеклянную стену, отделявшую его от свежего воздуха, простора, голубого неба, с плывущими в нем причудливыми снежно-белыми замками, словно из дальнего детства приплывшими, словно, как и встарь, Фата-Моргана приоткрыла перед ним дверь в свои зачарованные владения. Со звоном разлетелось вдребезги стекло, и Стас, испытав мимолетную боль, которая была уже не важна, несущественна, за которой уже ничего не стояло, взлетел в это синее, бездонное небо, весь затаенно сжавшись

и в тоже время испуганно-радостно вбирая в себя восторженную радость свободного полета. «О, Боже! – подумал Стас. – О, БОЖЕ!» Стена скользнула куда-то вверх, и облака разбежались в глубокой синеве, и земля могуче потащила его в себя. «О, БОЖЕ!» – еще раз подумал Стас и, беспомощным черным комочком, оскверняя собою эту первозданную чистоту неба, этот бесстрастный простор, рухнул вниз, в черную бездну небытия, и Рыжий повел его через продуваемое ледяным ветром поле туда, за дверь, из-за которой разливался ослепительный свет, за которой его ждали, за которой был его дом!

Фельдшерица, вскочив со своего места, подбежала, к разбитому окну и осторожно выглянула наружу. Обернувшись к Доктору, она растерянно посмотрела на него. Свежий ветер, ничем более не сдерживаемый, свободно врвался в комнату, трепал тяжелую портьеру и перелистывал бумаги на столе. Будильник поперхнулся, торопливо стрекотнул и умолк. Доктор сидел в кресле, сцепив пальцы, и его янтарные, рысьи глаза ничего не выражали. Наконец он потянулся и, крепко потерев переносицу, спокойно сказал: «Черт! Улизнул-таки, прохвост!»

Сон 2

Частный детектив

*Мой Демон-близ меня, -повсюду, ночью, днём,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнём,
Он жаждой мучает, извечной и преступной.*

III. Бодлер «Разрушение»

Пронзительный телефонный звонок иглой проткнул тончайшую пленку, окружающую туго накачанную, уродливо распухшую в своей надутости, пустоту тяжелого похмельного забвения, в зыбком подташнивании качающего на своих волнах мозг Стаса. Инстинктивно он дернулся к телефону, но тут же, с коротким мучительным стоном, обхватив надувными подушками рук голову, казалось взорвавшуюся изнутри, повалился обратно на одеяло. Телефон трезвонил, не переставая, заставляя еще не вполне очнувшегося Стаса с тупо нарастающим в душе остервенелым отчаянием считать про себя звонки, в тщетной надежде ожидая, что вот-вот они прекратятся. Когда прозвучал двадцатый, Стас, поняв, что его все-таки не оставят в покое, пересилив себя на какой-то неуловимый краткий миг, рывком схватил трубку и обесилеено уронил ее рядом с собой, неловко привалив рукой, казалось, весившей тонну. Сердце гулко колотилось в груди и в висках, сотрясая Стаса, как бьющий в него изнутри огромный молот. Чей-то отдаленный голос сердито жужжал в трубке, неразличимо коверкая слова.

«О, господи, – вязкие мысли копошились в голове Стаса подобно клубку слизистых вонючих червей. – О, господи, ну зачем, зачем все это? Ну почему я такой идиот, ну почему, почему? Какого дьявола я так налился? Все так прекрасно началось и, – он перекатился на другой бок, – какого черта...

Диван под Стасом все время пытался подняться на дыбы. Мир вращался вокруг него, как будто он был осью, на которую нанизана Земля. От этого вращения желудок сжимался противными спазмами, и Стас понимал, что нужно срочно предпринимать какие-то меры, чтобы его не вывернуло наизнанку прямо сейчас, здесь, на этой кровати. С удивлением наблюдая за собой как бы со стороны, Стас увидел, как его рука вяло взяла трубку и поднесла к уху. Жужжание неожиданно расчленилось в слова, смысл которых еще не осознавался, но сами слова приобрели знакомые очертания и стали узнаваемы. Сделав огромное, жуткое, нечеловеческое усилие над собой, Стас начал прислушиваться. Звонко булькающие камешки слов падали в бездонную черноту зловонного колодца его головы.

– Какого дьявола, Стас? Алло! Ты слышишь меня? – Стас узнал голос Храмова, своего начальника.

– Да! – хрипло выдохнул Стас в трубку, пытаясь облизнуть пересохшие губы и чувствуя, что горло его першит, как будто там, внутри него был песок, со скрипом продирающийся сквозь неподатливую резиновую трубу гортани.

– Ну слава богу, отозвался. – Храмов шумно перевел дух. – Как самочувствие, придурок?

– Нормально... – вяло отозвался Стас. На больший объем слов он пока еще не был способен. На том конце провода Храмов издевательски хихикнул.

– Ну ты даешь! Надрался, как свиная задница. Ты хоть помнишь, как дома-то оказался?

– Да? А как? – у Стаса было сил ни обидеться, ни разозлиться.

– Как, как? – передразнил его Храмов. — Васька и Пухов проезжали мимо и увидели тебя возле кабака, сидящим в куче собственного дерьма! – он захохотал. – О, боже, вот это была картинка. Представляешь, прямо на улице и со спущенными штанами! Я чуть не помер со смеху, когда Васька обрисовал весь расклад!

– Ну и что дальше? – Стас сполз с постели и, неся в руке телефонный аппарат, враскачку, словно матрос по палубе штормящего парохода, прошлепал босыми ногами к холодильнику. «Если тут пусто, – подумал он, – мне конец. Я просто-напросто сейчас лягу здесь и подохну». Предпринятое усилие настолько истощило его, что он чувствовал, как холодный пот струится по лицу. Приоткрыв дверцу холодильника, Стас осторожно, как будто там могла сидеть ядовитая змея, заглянул внутрь, и вздох облегчения вырвался из его груди. Три тускло отсвечивающих донца, тупорылых, как донца пистолетных гильз, маслянисто блеснули ему в глаза. Поставив телефонный аппарат на пол, Стас аккуратно положил рядом с ним трубку и, открыв первую банку пива, долгим, прямо-таки непрерывным глотком осушил ее. В голове стремительно прояснилось. Подобно скакуну, бока которого ожгла плеть, Стас почувствовал, как горячая кровь, бурля, хлынула по жилам. Уже спокойно он достал вторую банку, неторопливо открыл, и, небрежно подхватив телефон с пола, прижал трубку к уху плечом. — Приношу свои извинения, я тут немного отвлекся, так что там дальше-то было?

– О, уже ожил! Нашел таки свое лекарство... – было слышно, как Храмов чертыхнулся.

– Господь услышал ваши мольбы и Ааронов жезл коснулся меня. Теперь я готов выслушать все претензии и ответить на вопросы. – Хорошее настроение возвращалось к Стасу со скоростью курьерского поезда.

– Веселишься? – У Стаса промелькнула мысль, что злость Храмова прямо пропорциональна его, Стаса, хорошему состоянию. – Ну, повеселись, пока я тебя не осадил.

– Это каким же образом? – вежливо поинтересовался Стас.

– Простым! – рявкнул Храмов в трубку так, что Стас, поморщившись, отодвинул трубку подальше от уха. – Какого черта ты, свиная задница, сидишь дома, а? По меньшей мере, ты, тупица, должен быть на работе еще два часа тому назад. Я ведь отгул тебе не давал. Как ты думаешь, за что тебе платят твою зарплату? Не знаешь? И я не знаю, но догадываюсь, что уж во всяком случае, не за то, что ты, обгадившись, сидишь дома и корчишь из себя умника. И не за то, что ты, вместо того, чтобы явиться с утра, как все порядочные люди, на работу, валяешься у себя на кровати, подыхая с похмелья. Хочешь вылететь на улицу и стать вольным охотником? Так это я тебе быстро устрою!

– Эй, эй! Погодите, не так быстро. – Стас со смаком отхлебнул пива и оценивающим взглядом, отодвинув банку подальше от себя, посмотрел на ее запотевший бок. – Вы что, собрались меня уволить? Флаг вам в руки! Но скажите мне, ответьте на один-единственный вопрос: кого в следующий раз пошлют разгребать очередную кучу дерьма? Этого чистоплюя Пухова? Босс, может быть я и свиная задница, но, во всяком случае, уж точно не идиот и я знаю, что кроме меня послать некого... Такие как я необходимы, так что можете меня увольнять хоть по три раза на дню...

– Стас, ты, ты... – Храмов буквально задыхался от ярости.

– Я слушаю вас, босс, – вежливо отозвался Стас. – И вообще, какого черта надо было звонить мне? Ближе к обеду я и сам бы проснулся. Или, – Стас усмехнулся, – в кресле для посетителей сидит клиент? Очередная задница протирает дыру в кожаной подушке?

– Черт тебя возьми! – взревел Храмов. – Послушай, ты, свиная задница, умничать будешь перед кем-нибудь другим! Не позднее чем через час я жду тебя в своем кабинете. И не нажрись, как свинья! – Храмов бросил трубку на рычаг.

Услышав короткие гудки отбоя, Стас недоуменно пожал плечами. Потом, представив, как он достал Храмова, весело улыбнулся и, посвистывая, направился в ванную. Принимая душ, Стас во весь голос горланил какую-то дурацкую песню, пребывая в самом приятном расположении духа. Нельзя сказать, что он ненавидел Храмова, но то, что он не испытывал к нему особой симпатии-это было чистой правдой!

Стас благоухал пивом и дешевым дезодорантом, когда ввалился в кабинет Храмова. Предупреждения насчет свинского состояния были восприняты Стасом несколько своеобразно,

и переступил он порог кабинета своего босса, изрядно покачиваясь, но все же не теряя способности воспринимать информацию. Хотя те, кто знал Стаса, прекрасно понимали: еще чуть-чуть, еще пара банок пива, и он благополучно минует черту за которой в нем уже ничего не останется от «гомо сапиенс». Храмов молча достал громадный носовой платок и медленно промокнул блестящее потом отдуловатое лицо увенчанное огромной зальсиной, затем, превозмогая отвращение, которое в последнее время вызывал у него Стас, вылез из своего кресла и, обогнув стол, широко раскрыл руки для объятия.

– Ба! Наконец-то! Стас, я чертовски рад тебя видеть! – Он шагнул навстречу Стасу и крепко облапил его, похлопав ладонью по спине.

Как бы ни был пьян Стас, но и до него дошло, что Храмов ведет себя крайне фальшиво. То, что он сейчас проделал, было так на него не похоже, что Стас даже протрезвел на какие-то мгновения.

Отступив в сторону Храмов показал Стиву на Кейхила, сидевшего в кресле с потерянным видом и, наклонившись к самому уху Стаса, прошипел ему не снимая с лица приклеенной улыбки:–«Даже и не думай отказаться! Если ты провалишь его дело, то тебе конец, задница! Я сделаю так, что ты лишишься лицензии и я уж позабочусь о том, чтобы ты гнил на зоне до конца дней своих! Так что, постарайся, Стасик, очень-очень постарайся, если не хочешь, чтобы у тебя были большие проблемы! Понял?»

Стас обворожительно улыбнулся и, в свою очередь, тихонько шепнул Храмову:–Да пошёл ты! –постаравшись вложить в эту короткую фразу всё презрение, которое он испытывал к Храмову в этот момент.

Кейхил поднял голову и бросил короткий взгляд на Стаса. Ноздри его дрогнули и лицо скривилось в брезгливой гримасе, когда он уловил запах перегара, доносящийся от Стаса.

– Послушайте, -недовольно сказал он, -это что, ваш сотрудник? Тот, который будет заниматься моим делом?

Храмов хмуро кивнул. Кейхил молча вылез из кресла и направился к двери. На пороге он обернулся:–Спасибо! Я понимаю, что это ваш бизнес, что имя фирмы тоже чего-то стоит, но... Спасибо, что не отказали! Вот уж чего не ожидал, -он покрутил головой, словно тугой воротник жал ему шею.-так это того, что моим делом будет заниматься деградировавший алкоголик!

– Э-э-э! Полегче! -сердито сказал Стас.-Я, чёрт возьми, ещё не сделал тебе ничего плохого, чтобы ты мог обзывать на меня.

– Да? -угрюмо бросил Кейхил и желваки вспухли на его скулах.

– Да ладно вам, господин Кейхил, успокойтесь, -подал голос Храмов.-Я и сам терпеть не могу этого засранца, но поручить ваше дело кому-то из сопливых юнцов... Нет уж, увольте!

– Босс, я тоже тебя люблю! -ухмыльнулся Стас и икнул.

– Послушайте, господин Храмов, -проникновенно сказал Кейхил, -Я не спорю: ваш огромный опыт научил вас подбирать сотрудников, но только не пытайтесь меня убедить, что на этом парне держится вся ваша контора! -Он фыркнул.-Если это так, то мне жаль вас и ваш бизнес и, -взгляд его был полон горечи, -извините, что я побеспокоил вас!

– Зря вы так! -Храмов пожал плечами.-Может быть, его вид и не внушает доверия, но, поверьте мне, он самый лучший дерьмокопатель на всю округу!

– Да, сэр, так точно, сэр, есть, сэр! -Стас дурашливо изобразил щелчок каблуками.-Разрешите выполнять, сэр?!

– Ну ладно, хорошо, -Кейхил кивнул и поманил Стива за собой, к выходу из кабинета.

Выйдя из офиса, Стас задумчиво огляделся. Беседовать о делах, стоя на тротуаре, у всех на обозрении, он не любил. Конечно, поблизости была парочка вполне приличных баров, где он мог бы выслушать Кейхила, и обстановка там была вполне комфортная, но Стас, вспоминая ту брезгливую гримасу, которую соорудил клиент, уловив доносящийся от него запах перегара, растерянно мялся, не зная, как Кейхил воспримет предложение пропустить по стаканчику для

оживления беседы. Кейхил сам пришёл к нему на помощь. Искоса глянув на Стаса, он вдруг спросил: «Слушай, а здесь выпить где-нибудь можно?»

– Выпить? -переспросил Стас, думая что ему послышалось.

– Ну да, выпить, -Кейхил с недоумением посмотрел на Стаса и, усмехнувшись, добавил, -тем более, что тебе это, по-моему, сейчас просто необходимо.

– Ну, в принципе, есть тут местечко, -быстро сказал Стас. Предвкушение выпивки плеснуло в животе жидким огнём.-Местное неофициальное название-«Дохлый Бобик».

– Дохлый, так дохлый, -пожал плечами Кейхил.-Мне, собственно, всё равно, как это называется. Надеюсь, не слишком далеко?

– Да нет, совсем рядом, -Стас махнул рукой указывая направление.-Очень милое местечко и в это время суток там почти что никого нет. А выпивка на уровне, да и обслуживание тоже!

– Ну и чего же мы стоим тогда? -пробурчал Кейхил и они медленно направились в сторону указанную Стивом.

Войдя в бар, Стас с важным видом уселся на высокий табурет у стойки и приглашающе указал ему на место рядом с собой, но Кейхил, отрицательно покачав головой, уселся за столик и Стив, недоумённо пожав плечами, пересел к нему. Пока он устраивался поудобнее, к ним подошла крашенная брюнетка, исполнявшая обязанности официантки в этом рассаднике пороков. Помимо всего прочего она ещё выполняла роль неофициального осведомителя Стаса и иногда спала с ним. Но Кейхилу знать это было вовсе ни к чему и Стас, состроив ужасно деловой вид, искоса подмигнул ей, дескать, не мешай, я занят.

Ухмыльнувшись, брюнетка нагнулась над столиком подавая Кейхилу меню и её коротенькое платьице стыдливо показало пухленькие, как сдобные булочки, ягодички, которые отразились в зеркале, лицом к которому уселся Кейхил. Кейхил поперхнулся, брюнетка стрельнула в него глазками, но он всё же взял себя в руки и невозмутимо сделал заказ. Покачивая бёдрами брюнетка отправилась к стойке, а Кейхил, вытащив из пачки сигарету, принялся нервно разминать её. Стас тоже сунул в рот сигарету, прикурил сам, дал прикурить своему собеседнику и, выпустив клуб дыма к потолку, откинулся на спинку диванчика.

– Ну, дружище, -Стас полуприкрыл глаза, -теперь давай, рассказывай!

– Я уже всё рассказал твоему боссу, -недовольно сказал Кейхил.-Что, ещё раз всё повторить?

– Естественно! -Стас глубоко затыкнулся и быстро взглянул на него.-Я-то ведь не Храмов, и, если честно сказать, я ничего не слышал. Знаю только, что у тебя есть дело, которое привело тебя в контору, но что за дело? -Он пожал плечами и наклонившись поближе к Кейхилу доверительно сказал:-Меня интересует всё! Все обстоятельства, любые подробности, всё, что показалось тебе не совсем логичным, не совсем обычным...

– Не совсем логичным и не совсем обычным, -тихо пробормотал Кейхил и поднял глаза на Стива.-Ну ладно, пройдем этот путь ещё раз! -Встряхнув головой он бросил быстрый взгляд в сторону стойки, но, не увидев там брюнетки, которая должна была принести им заказ, неторопливо начал:-Я познакомился с Мари когда приехал в Таджикистан для организации химического факультета в местном университете. Правда, обстоятельства сложились не в мою пользу и мне на хвост сели ищейки из АНБ, но мне удалось от них скрыться.-Он пожал плечами.-Не знаю, что взбрело им в голову, но они были уверены, что я прибыл в Душанбе для организации производства нового наркотика, одного из производных опиумной группы.-Взгляд его стал задумчивым. Он рассеянно вертел в пальцах сигарету и струйка дыма выписывала замысловатые узоры. Наконец он продолжил.-Меня вывезли через Афганистан, но на границе я был ранен и тогда я снова увидел Доктора. Доктор отправил меня в Швецию и несколько месяцев я очень тесно контактировал с Мари, но потом Доктор отправил меня

в горы, я встретился с неким полковником Лыковым, который курировал операцию, а вечером приехала Мари. Мы выпили кофе и... И на этом всё. Она пропала!

– Прекрасно, - задумчиво сказал Стас. - Всяким хламом приходилось заниматься, но с таким бредом я ещё ни разу не сталкивался.

– Да-да, - кивнул Кейхил. - Именно бред. Но не это сейчас важно.

– А что же важно? - пробормотал Стас. - То, что ты пытаешься её найти? А зачем?

– Зачем? - Кейхил бросил короткий взгляд на Стаса. - А затем, что Доктор-вовсе не Доктор, и все мои версии лишены, оказывается, всякого смысла, потому что я знал того, кто называет сейчас себя Доктором очень-очень давно, ещё в своём детстве, и, поверь, он с тех пор ничуть не изменился, да и нрав его лучше не стал.

– И что? - Стас с любопытством уставился на Кейхила. - Если вы так давно знакомы, то зачем же понадобилась эта, как её там, Мари? Для чего нужны промежуточные звенья? Действительно занятно, чёрт меня побери!

– Ничего занятного, - ворчливо сказал Кейхил. - Не мог же я предполагать, что для того, чтобы отделаться от этого мнимого Доктора, который и не Доктор вовсе, мне придётся прыгать из окна какого-то небоскрёба... - Он болезненно сморщился и помассировал шею. - Самоубийство было единственным выходом, хотя, в тот момент, я, по большому счёту действовал инстинктивно и мне даже в голову не пришло просчитать все последствия этого поступка, но, как бы там ни было, я всё-таки выбрался, а выбравшись обнаружил, что единственный человек, который пришёл в мой дом со стороны-исчез и не может мне ничем помочь... Естественно, что я обратился в милицию, но там мне сказали, что в случае приёма моего заявления об исчезновении Мари, я буду в числе главных подозреваемых.

– Ага, - Стас кивнул. - Они не объяснили причин этого?

– Да как-то вот не пожелали, - хмуро сказал Кейхил.

– Интересненько... - протянул Стас. - Очень и очень... Обычно такие заявления хотя бы объясняются, а тут-просто отказ. - Он пристально посмотрел на того, кто называл себя Кейхилом и вдруг какое-то щемящее чувство родилось в нём. Он поперхнулся и через силу выдавил из себя: - Пстой-ка... С Доктором была женщина, которая называла себя Селинда?

– Да, но... - Кейхил удивлённо возрился на него, - Ты-то откуда это знаешь?

– Потому что это я беседовал с Доктором и с полковником Лыковым, - спокойно сказал Стас. - Это ко мне заявился Лыков с утра пораньше и предложил заменить тебя, потому что ты был убит при переходе афганской границы, а ты был необходим, потому что только при помощи тебя можно было накрыть завод по производству какого-то там суперубойного наркотика, но тебя уже не было в живых, а я, как ты мог заметить, чертовски похож на тебя. Посему мне и вручили легенду, которую я добросовестно изучил, а потом появилась эта Мари Кристман и я пил с ней кофе, думая, что это проверка, которую устроил мне Лыков, но всё оказалось не совсем так, так что, дорогой мой Кейхил, я-это ты, а ты-это я!

– То, что ты сказал-полный бред! - констатировал Кейхил после продолжительного молчания. - Я был прав, когда сказал, что моим делом занимается деградировавший алкоголик!

– Доктор, когда нарисовался у меня с утра, тоже собрался лечить меня от белой горячки, - невозмутимо произнёс Стас. - Это был твой (он подчеркнул голосом «твой») Доктор! О чём-то это тебе говорит?

Кейхил медленно покачал головой. Стас выжидательно смотрел на него. Наконец Кейхил медленно сказал: - Это невозможно...

– Невозможно? - переспросил Стас. - А как ты объяснишь, что выбросившись из окна высотного здания ты остался жив?

– Удачно упал, - хмыкнул Кейхил.

– А как тогда остался жив я? - спросил Стас. - Ведь это я выбросился из окна, выбросился вместе с тобой! У тебя есть ответ на этот вопрос?

– Нет.-Кейхил внимательно рассматривал свои руки.-Ответа на этот вопрос у меня нет, но почему появился ты? Почему он нашёл мне двойника и хотел меня заменить?

– Потому что он не мог знать наверняка чем закончится его игра.-спокойно сказал Стас.

– Боже, какой бред, -слабо улыбнулся Кейхил и хотел ещё что-то добавить, но в этот момент брюнетка подошла к столику и молча выставила перед ними выпивку и какие-то тарелки с немудрёной едой. Следующие минут пять Стас и Кейхил молчали, потому что жевать и говорить одновременно очень неудобно, но когда по желудку Стаса разлилось блаженное тепло, Кейхил продолжил свой рассказ.

– Ну, так вот, -сказал он, закуривая очередную сигарету.-Как ты помнишь, в тот вечер мы закончили разговор обсуждением достоинств турецких кофеен, после чего она ушла спать, а я, -он запнулся, -мы остались ещё поработать с материалами, и... И тут началось!

– В общем-то дальнейшую историю я знаю, но, тем не менее, есть вопросы по поводу Мари-тускло сказал Стас.-Всё закончилось падением из окна, но вот что я не понял, так это зачем именно мы понадобились Доктору? Это что, наш персональный кошмар?

– Ну да! -возбуждённо сказал Кейхил.-Именно это я и хотел сказать!

– Негусто, -задумчиво сказал Стас.-Очень и очень негусто! Можно сказать, что даже и вовсе пусто! Ну хорошо... -он залпом опрокинул в себя водку и поморщился, -а Мари? Она-то с какой стороны тут? Ты её видел в процессе своих э-э-э, -он на секунду запнулся, -видений? Или же это вовсе и не видения были? Видишь ли, -он задумчиво почесал кончик носа, -у меня, так сказать, были некоторые моменты, когда я был сам по себе и тебя не чувствовал.

– Да какие уж там видения, -устало произнёс Кейхил.-Меня целенаправленно сводили с ума. Понимаешь, ц-е-л-е-н-а-п-р-а-в-л-е-н-н-о... -Он зябко поёжился, хотя в баре было душно и жарко.-Ощущения, скажу тебе; -дерьмо полное!

– Ладно... -Стас задумался, потом, подняв глаза, пристально уставился на Кейхила. Ощущение полнейшей бредовости происходящего, сидевшее в нём с самого момента пробуждения, всё никак не оставляло его и более того, чем дольше он беседовал с этим Кейхилом, тем сильнее становилось это чувство. («Здесь есть какая-то логика, есть, но она недоступна при обычном восприятии». Мысль проползла вялым червяком, гадко извиваясь, словно опарыш в чреве дохлой кошки и тошнота шевельнулась внутри.) -А что ты вообще можешь сказать про эту женщину? Какая-нибудь информация о ней есть? В том смысле, -кто она, откуда родом, друзья, родственники? Хоть что-то? А то, -он улыбнулся, -может она тоже из твоих видений? Хотя, в общем-то, -он пожал плечами, -я тоже её видел.

– Она родилась в Швеции, лет до пяти-шести воспитывалась дома, потом осиротела и... И всё.-Кейхил ненадолго задумался, потом решительно тряхнул головой.-Нет, никого не могу припомнить! У меня создаётся впечатление, что она просто была подослана Доктором. Только вот для чего?.

Понятно, что ничего не понятно, – Стас почесал подбородок.-Ну, хорошо! Подруг нет, родителей тоже, а кто же тогда есть?

– Не знаю, -Кейхил пожал плечами, -ничего она не говорила. И настроение, вроде, у неё было как обычно... Не знаю, не знаю. Хотя, -он встрепенулся, -она упоминала некого Либермана, но кто он такой, какое отношение имеет к ней или же ко мне-сказать не могу.

К исходу третьего дня, уже поздно вечером, Стас позвонил Храмову. Сказать по правде, он хотел сперва позвонить себе домой, Кейхилу и отчитаться о проделанной работе перед ним, потому что заказчиком-то выступал Кейхил, но потом передумал. А передумал по одной-единственной причине: отчитываться было не в чем! Трое суток Стас трудился не покладая рук и результатом его трудов стало банальнейшее «ничего». Мари Кристман пропала, исчезла, превратилась в миф, в фикцию! Иногда Стаса охватывало тупое отчаяние: все следы вели в никуда. Складывалось впечатление, что Стас участвует в какой-то мистификации, потому что никто ничего не мог сказать насчёт Мари. Вроде бы она и не существовала никогда в сущем

мире, а была плодом воображения, некой виртуальной единицей, чьё бытие никак не пересекается с реальностью того мира, в котором существовал Стас. Правда, за эти дни ему удалось кое-чего накопать, но как связать полученную информацию с исчезновением Мари он пока не знал. Но кое-какие идейки у него родились и они требовали проверки через каналы Храмова. И именно поэтому он и набрал в конце концов его номер. Прижимая к уху телефонную трубку, Стас стоял на пронизывающем ветру и, чертыхаясь про себя, ждал, когда же Храмов соизволит подойти к аппарату. Наконец в трубке щёлкнуло и близкий голос Храмова визгливо царапнул ухо Стаса.

– Я слушаю, кто это? -Храмов говорил испуганно и Стив усмехнулся.-«Засранец чёртов,» -подумал он, -«Опять я его вытащил из тёплой постельки. Ничего-ничего, пусть потрясётся, это моя маленькая месть ему за то, что я тут мёрзну на ветру и дожде, зарабатывая ему деньги!» -Но вслух он деловито произнёс:-Привет, босс! Это я, Стас!

– Стас? -Храмов шумно перевёл дух.-А не поздновато ли ты мне звонишь?

– Поздновато? -деланно удивился Стас.-Ну что вы, босс! Разве одиннадцать часов это так поздно? Мне лично так не кажется!

– Ладно, ладно, хорошо! -раздражённо сказал Храмов в трубку. Чувствовалось, что он уже пришёл в себя.-Что там у тебя?

– Разрешите доложить, шеф, -ухмыльнулся Стас, пользуясь тем, что Храмов сейчас не может его видеть, а интонации... А что интонации? Их к делу не пришьёшь.-Результат поиска-нулевой!

– Как это нулевой? -недоумённо спросил Храмов.-Что, три дня работы и ничего?

– Абсолютно ничего! -безмятежно подтвердил Стас.-Все воспоминания об этой девице заканчиваются в половине седьмого вечера того дня, когда она пропала. Но этот факт мы и так знали! Одним словом, ничего стоящего и достойного внимания.

– Ну ладно, -Храмов усмехнулся в трубку.-Я уж тебя за эти годы изучил. Ради того, чтобы сказать мне это, ты не стал бы прерывать мой мирный сон. Лучше уж сразу переходи к главной части информации. Кстате, ты сейчас где?

– Около загородного дома некоего господина Лыкова, офицера спецслужб в отставке, изгнанного с позором со службы за какие-то неблагоприятные делишки лет десять тому назад, - небрежно проговорил Стив.-И, если честно, тут ужасно мерзкая погода, босс! Я говорю из телефона-автомата, а дождик меня так и поливает!

– А что ты там делаешь? Решил прогуляться под дождиком? -хмыкнул Храмов.-И вообще: чем быстрее ты изложишь свой вопрос, тем быстрее ты сможешь спрятать свою задницу в салон машины! Мой тебе совет-поторопись! Что я должен узнать и сообщить тебе?

– Ценю вашу сообразительность, босс! -усмехнулся Стас.-Ну а если конкретно, то меня интересует, не попал ли некий отставной полковник Лыков в сводки пропавших без вести в течение последних пяти суток? Или же просто убиенных?

– И только то? -удивлённо спросил Храмов.-А зачем это тебе нужно? Мы, вроде бы, ищем Мари Кристман, а не какого-то там полковника Лыкова, пусть и отставного!

– Мне это нужно затем, -торжествующе сказал Стив, -что на заднем дворе этого дома стоит «Тойота» и что-то мне подсказывает, что эта машина принадлежала нашей пропавшей дамочке!

– Ну и... -Стас прямо физически ощутил напряжение в котором пребывал сейчас Храмов.

– А то, -Стас поскрёб затылок и прикрыл трубку рукой, -что некий сосед вспомнил, что не видел Лыкова уже пять дней, но когда он встретился с ним в последний раз, то есть пять суток тому назад, Лыков производил, мягко говоря, странное впечатление. Мало того, что он вроде бы как заговаривался, но он, вдобавок ко всему, ещё и босиком из дома выскочил. Этот сосед говорит, что Лыков ещё что-то про кошмары плёл!

– Ну и что из этого? -недовольно спросил Храмов.-Какая связь тут с нашим делом?

– Прямая! -Отчеканил Стас.-Если верить номерам, то машина на заднем дворе была взята напрокат фрёкен Мари-Энн Кристман, гражданкой Швеции в салоне «Автон» в аэропорту Шереметьево. Отсюда следует, что в загородный дом господина Лыкова она добралась, но, босс... -Стас понизил голос до шёпота, -к машине не ведёт никаких следов!

– Как это? -не понял Храмов.

– А вот так! -Стив огляделся по сторонам, но улица была пустынна.-Нет ни следов покрышек, ни следов ног. Создаётся впечатление, что машина перенеслась сюда по воздуху и опустилась прямо на задний двор. Это при том, что на задний двор в принципе, вообще невозможно проехать. Далее, никто из соседей не может вспомнить, когда же эта машина тут появилась, но зато двое вспомнили, что видели около дома Лыкова синий фургон с жутко тонированными стёклами и около фургона тёрся парнишка в строгом деловом костюме и с явной военной выправкой. Таким образом: дом закрыт, хозяин не показывался на глаза окружающим вот уже пять суток, свет по вечерам в доме не загорается, правда, телефон работает, я пробовал звонить уже сегодня в этот дом, возле дома стоит неизвестно как попавшая сюда машина женщины, которая заявлена у нас в розыск, вокруг тишина и просторное поле для всяких домыслов и догадок!

– Действительно, чертовщина какая-то, -досадливо пробурчал Храмов. Он помолчал мгновение, собираясь с мыслями и, наконец, сказал Стасу:-Так, ладно! Оставайся у дома этого Лыкова. Ничего не делай и только наблюдай. Я сейчас кое-кому звякну, к тебе подъедут. Эти парни тебя знают, так что особых вопросов они тебе задавать не будут. Всё понял?

– Понял, -Стас согласно кивнул.-Только, босс, одна просьба!

– Какая? -удивился Храмов.

– Я хочу войти в дом вместе с ними, -спокойно сказал Стас.-Предпочитаю видеть всё своими глазами.

– Ладно, хорошо! -проворчал Храмов.-Ты будешь участвовать. Это я тебе обещаю!

Послушав короткие гудки в трубке, Стас вытер рукавом мокрое лицо и задумался. Время до приезда милиции у него ещё было и он, повинувшись какому-то безотчётному порыву, вдруг набрал домашний номер Лыкова. Наверное, это было смешно, потому что он стоял на улице под дождём менее чем в ста метрах от его дома и ни единого лучика света не было видно в тёмных, маслянисто отблёскивающих стёклах, но он всё равно сделал это, как будто чья-то невидимая рука толкнула его. В трубке была сперва тишина, потом послышались долгие гудки. Он стоял и слушал их и когда он уже был готов нажать на рычаг и разъединиться, в трубке послышался щелчок и женский голос неуверенно произнёс:-Алло?

– Привет! -сказал Стас.-Куда я попал? -И только задав этот вопрос, он понял всю абсурдность происходящего. Он звонил в пустой дом, в дом, хозяин которого уже пять суток не показывался на глаза живущим рядом с ним людям, в дом, в котором творилось что-то странное.-Алло! -крикнул Стас в трубку.-Вы меня слышите? Куда я попал? -В трубке слышалось шипение и шорохи, потом отдалённый смех донёсся и обрывок тихой музыки, но соединение не пропадало.-Эй, послушайте, -крикнул Стас.-Вы меня слышите? Мне нужен господин Лыков, позовите его к телефону!

– Профессор Кейхил не может подойти, -голос был как отдалённое эхо.-Профессор не может...

– Мне нужен Лыков! Если он не может подойти, если его нет... Тогда позовите Мари Кристман! -крикнул Стас невидимому абоненту. Холодный пот ручьём лил по его спине и волосы шевелились на затылке.-Позовите Мари Кристман!

– Госпожа Кристман уехала... -голос плыл в трубке, невесомый и холодный.-Госпожа Кристман не может разговаривать с вами...

– Куда уехала? -отчаянно крикнул Стас.-КУДА!

Сердитый, насуспенный Храмов стоял прямо в луже, попыхивая своей неизменной вонючей сигарой. Зонт он наклонил так, чтобы он прикрывал его от порывов ветра, швырявшего ему в лицо крупные, как горошины, дождевые капли. Милицейская машина с выключенными мигалками стояла чуть поодаль, рядом с фургончиком Стаса. В доме Лыкова ярко горел свет и силуэты людей проплывали по задёрнутым шторам. Наконец дверь дома распахнулась и кто-то вышел на веранду. Поглядев на сиротливо мокнущего в луже Храмова, он махнул ему рукой и крикнул: -Эй, Храмов, заходи давай, чего это ты там мокнешь? -Храмов угрюмо посмотрел на него и, пожевав губами, выплюнул сигару в лужу. -Что мне там делать? -ворчливо спросил он. -Скажи Стасу, пусть выходит, если он уже всё осмотрел, -в голосе его слышался неприкрытый сарказм. -Теперь, это я так понимаю, вести это дело будете вы? -Человек кивнул и снова вошёл в дом, а Храмов, поёживаясь от внезапного озноба, медленно пошёл к своей машине. Открыв дверцу, он закрыл зонт, тщательно встряхнул его, и только тогда забрался на сиденье, не забыв расправить полы плаща. Загудели включенные дворники, смахивая воду с ветрового стекла. Открыв перчаточный ящик, Храмов достал очередную сигару и, похрустев целлофаном обёртки, распечатал её. На улице зашлёпали быстрые шаги и пассажирская дверца распахнулась. Мокрый Стас плюхнулся на сиденье и захлопнул за собой дверь. Вода стекала по его лицу и он вытерся ладонью. Храмов тщательно осмотрел сигару, даже обнюхал её и, отрезав кончик, сунул сигару в рот. Неторопливо и молча он раскурил её и только тогда взглянул на Стаса.

- Ну давай, рассказывай, -недовольно пробурчал он. Стас пожал плечами и извлёк из нагрудного кармана своей куртки начатую пачку «Лаки Страйк». Закурив, он откинулся на спинку сиденья и полуприкрыл глаза. -Всё так, как я и ожидал, -наконец негромко проговорил он. -Дом пуст, и пуст уже давно.

- А давно, это как? -Храмов почесал кончик носа. -Месяц, два, или же год?

- Судя по плесени на тарелке в мойке, -флегматично сказал Стас, -где-то около недели, что в принципе, даёт нам результат, близкий к искомому!

- Тебе виднее, -невозмутимо произнёс Храмов. -Ну да ладно, всё это, конечно, важно, но меня-то ты зачем сюда вызвал? Тебе что, милицейских чинов мало?

- Да вот, босс, -Стас оглянулся, как бы проверяя, не крадётся ли кто к ним. -Нюансик один возник.

- Что там ещё? -недовольно поглядел на него Храмов. -Что ты ещё такое нашёл?

- Видите ли, босс, -задумчиво произнёс Стас, -я говорил с обитателями этого дома, вернее с одной из них, -поправился он.

- Чего? -Храмов вынул сигару изо рта и удивлённо уставился на Стаса. -Когда же это ты успел?

- Не далее, чем минут двадцать тому назад! -Стас сидел совсем мокрый и вид у него был несчастней не придумаешь.

- Так! -Храмов вновь засунул сигару в рот и, задумчиво пожевав её, неожиданно спросил: -Ты сколько дней уже спиртное в рот не брал?

- Четвёртые сутки пошли, -сказал Стас и в свою очередь спросил: -А причём тут это?

- Да так! -усмехнулся Храмов. -Медики говорят, что вспышка белой горячки как раз на третьи-пятые сутки после выхода из запоя приходится!

- Зря смеётесь, шеф, -недовольно сказал Стас. -Позвонив вам, я задержался у телефона-автомата. Стою, значит, раздумываю. И тут, верите или нет, меня как под руку кто толкнул. Дай, думаю, ещё разок наберу номер этого Лыкова. Самое странное, что я был в ста метрах от дома и прекрасно видел, что в окнах нет света. Дом производил абсолютно нежилое впечатление, но, тем не менее, я набрал этот номер!

- Ну и... -Храмов впёрся в Стаса пристальным взглядом (Как нож к горлу приставил, -промелькнуло у Стаса)

– Сперва, -Стас задумчиво посмотрел в окно, -как и положено: тишина! Но потом трубку взяли!

– М-да! -Храмов саркастически усмехнулся.-Советую тебе обратиться к психиатру, Стас. У меня создалось впечатление, что тебе не стоило так резко бросать!

– Да пошёл ты! -неожиданно взорвался Стас.-Я тебе клянусь, я говорил с кем-то или чем-то, что находилось, а может и сейчас находится в этом доме!

– Но ты же только что оттуда, -невозмутимо сказал Храмов.-И это твои слова, что дом пуст! Как тебя понимать, Стас?

– А-а, -Стас махнул рукой.-Можете понимать это как вам заблагорассудится, но то, что Мари Кристман была в этом доме-я Богом поклясться могу!

– Не поминай имя Господа всуе, -ухмыльнулся Храмов.-В конце концов, Стас, работаешь над этой проблемой ты, я лишь прикрытие твоё, так что, справляйся сам! Не узнаю я тебя, право, не узнаю! -Храмов покачал головой.

– Слушайте, босс, -Стас помассировал лицо ладонями.-Можно выполнить одно дело?

– Смотря какое.-Храмов попыхивал сигарой и всем видом своим показывал, что интерес к словам Стаса он потерял напрочь.-Смотря какое...

– Мне надо, -Стас пристально посмотрел на Храмова, -чтобы вы пробили информацию, не выезжала ли Мари-Энн Кристман в последние день-два из города, а если выезжала, то куда! Может быть, даже не одна, а с сопровождающими лицами... По фамилии Лыков там, или Кейхил... Вы можете это сделать?

– Если бы это сказал кто-нибудь другой, -Храмов флегматично пыхнул сигарой, -я подумал бы, что он свихнулся. Но ты и так свихнутый, поэтому я не откажу тебе в твоей просьбе! -Тяжело сопя, он открыл дверцу и, буркнув Стасу, -«Посиди здесь.» -вылез под проливной дождь. Стас закурил очередную сигарету и, поёрзав на сиденье, прикрыл глаза. «Надо немного передохнуть,» -подумал он, -«Надо немного передохнуть...» -Мерзкая ознобная дрожь бродила где-то глубоко внутри и Стас, глубоко затянувшись, неожиданно поперхнулся горьким табачным дымом. Резкая тошнота плеснулась горячей слюной в горло и Стас, затаив дыхание, торопливо приоткрыл дверцу и выкинул сигарету в лужу. Он немного посидел, вдыхая сырую дождевую свежесть и, когда тошнота отступила, спряталась где-то глубоко внутри, он тихо и мирно заснул, привалившись головой к стеклу. Именно в таком положении и застал его Храмов, когда полчаса спустя вернулся назад, выяснив всё, что было нужно. Бесцеремонно разбудив Стаса, Храмов сердито проворчал:-Чёрт возьми, ты был прав! Не знаю, как ты об этом разнюхал, но Мари Кристман вместе с профессором Кейхилом действительно вылетела вчера назначением Баку...

– Куда-куда она отправилась? -зевнув во весь рот спросил Стас.

– В Баку.-недовольно сказал Храмов.-Теперь мне придётся ломать голову, как обеспечить твою работу там. Деньги-то они конечно везде деньги, но в Азербайджане всегда возникают какие-нибудь сложности.

Весь день с моря дул упругий, несущий преддождевую свежесть, юго-восточный ветер. Начавшись утром едва заметным бризом, лениво раскачивающим флаги, к обеду он засвежел, начал сердито посвистывать, поднимая в море стеклянисто просвечивающие барашки ветровой волны. Зеленовато-мутная вода бухты, весело хлюпая, облизывала покрытые коростой мазута камни у самого берега, и все пыталась, и никак не могла выбраться на прибрежный песок. Неровный песчаный пляж, с кое-где торчащими из песка изжелта-бурыми скалами, отлого поднимался к подножию невысоких холмов, покрытых выжженной солнцем травой. Под упругим ветром с моря мотались, низко клонясь и вновь распрямляясь, ковыльные заросли, да скрипучие крики чаек резкими нотами вплетались в неумолчную мелодию моря и ветра, что звучит над этим берегом издревле, пронизывая бесконечную поступь веков. Послышались шаги. Разомлевшая на солнце змея настороженно подняла голову, прислушиваясь, и вдруг

скользнула за камень, а пробиравшийся в ковыльных зарослях кролик, поджарый и неторопливый, вдруг присел на задние лапки и, пошевелив чуткими ушками, с озабоченным видом стремглав бросился прочь. По склону холма от дороги поднимались двое. Пожилой азербайджанец, одетый в застиранную рубашку с коротким рукавом, почесывая дня три не бритый подбородок, шел следом за молодым, коротко стриженным парнем с колючими глазами, поднимая старенькими сандалиями облачка бурой пыли, которая уже изрядно припорошила до колен его выцветшие и приобретенные неопределенный цвет брюки. Было уже часа четыре пополудни, и солнце вот-вот должно было начать клониться к закату. На склоне холма, защищенном от ветра, было жарко. Звенящий стрекот цикад раздавался из-под самых ног. Поднявшись на вершину холма, насквозь продуваемую свежим морским бризом, пожилой остановился и шумно перевел дух, отирая пот со лба. Молодой парень оглянулся и, увидев, что его спутник остановился, привычно присел на корточки. Пожилой подошел ближе и, кряхтя, опустился на траву, а потом, видимо решив устроиться поудобнее, прилег, удобно опершись на локоть. – Сигарету давай, да? – обратился он к своему молодому спутнику. Тот, не вставая, нашарил в кармане пачку «Кэмэл» и протянул ее пожилому. Достав из пачки сигарету, пожилой сунул ее в рот и прикурил от предупредительно подставленной молодым зажигалки. – Зачем мы приехали сюда, Али? – глубоко затянувшись и выдохнув белое облачко дыма, тут же подхваченное и растрепанное ветром, недовольно спросил пожилой.

– Этот парень, ну за которого бабки нам перегнали, прилетает сегодня, Гейдар-ага, – почтительно сказал парень. – Куда везти его?

– Куда, куда... В гостиницу! – с сарказмом проговорил Гейдар. – Али, ты умный человек, зачем ты задаешь глупые вопросы? Может, ещё предложишь его прямо в горы отвезти? Без документов местных, без всего?

Не знаю, – пожал плечами парень, отстраненно глядя на белые, с голубоватыми подпалинами, башни и башенки кучевых облаков которые уже начали собираться на юге далеко над морем. — Как скажешь, Гейдар-ага, так я и сделаю...

Что он из себя представляет, гость этот? – лениво поинтересовался Гейдар. – Я ориентировку-то не видел.

Человек, как человек, – всё так же отстраненно сказал Али. – Прибудет со своими документами. Виза гостевая, на десять суток. Не был, не замечен, не привлекался. Чистенький. Единственное «но» – сильно пьет. Можно сказать, уже алкоголик...

Мда, – задумчиво пожевал губами Гейдар. – Это плохо... Очень плохо. Не терплю я таких. Проблемы с ними бывают! Ну да ладно. Не мы решаем, кого и куда послать... В общем, так, – он пристально взглянул на Али. – Поедешь в аэропорт сам, на машине... а, ладно, мою возьмешь. Перед этим позвони Ядулле, пусть к стамбульскому рейсу подъедет на «копейке», как будто подрабатывает. Ты встретишь этого Ковальского, ну, там сам знаешь как, типа обознался; и дашь ему номер машины Ядуллы, а Ядулла отвезет его к Самеду. И все!

Сделаем, Гейдар-ага, – лениво проговорил парень, поднимаясь с корточек и отряхивая спортивные брюки «Найк». – Все сделаем как надо, не впервой...

Вот-вот, что не впервой, – проворчал Гейдар. – Потому и объясняю вам все, чтобы каждый раз, как впервой был. Осторожности терять нельзя.

Не засветимся, – все так же лениво проговорил Али. – Ну что, поехал я?

– Нет, ну ты молодец, – спокойно сказал Гейдар, поднимаясь с земли, – ты поехал... А я, значит, теперь пешком добираться? Сагол! Умная голова! Мы сейчас вместе поедем, в Зиря, а оттуда ты уже в город двигай. Понял?

– Понял, – недовольно проговорил Али и бросил косой взгляд в сторону своего белого «БМВ», сиротливо притулившегося на проселке, изрядно избитом и искореженном выбоинами и колдобинами.

– А я ведь тебе говорил, – усмехнулся Гейдар, – бери джип... Тогда, вон какой «Чероки» подогнали. А ты: «Нет! Только БМВ!» Вот теперь терпи.

– «Чероки» полиция на «ДЭУ» достает, а мою «семерку» они на трассе не достанут, – обиженно возразил Али.

– Эх, – сокрушенно вздохнул Гейдар. – Молодежь, молодежь...

– Да ладно тебе, Гейдар-ага, – сконфуженно пробормотал парень. – Лучше поехали, да? Сам знаешь, мне еще много успеть надо.

– Знаю, знаю, – недовольно пробурчал Гейдар, отряхивая брюки. – Пошли! А то действительно, время-то идет.

Они не спеша зашагали вниз по склону. Али носком ботинка бездумно отшвыривал в сторону попадавшие ему камешки, а Гейдар, засунув руки в карманы, шел, о чем-то размышляя. Над невысокими горами побережья собиралась гроза. Облака громоздились друг на друга, суля проливной дождь. Осторожный кролик приподнялся на задние лапки, сторожко пошевелил ушами и, убедившись, что рядом никого нет, сел и начал умывать смешную усатую мордочку. Змея вылезла из-под камня и хотела было еще погреться на уже заходящем солнце, но потом, видимо передумав, неспешно уползла по своим делам, с тихим шорохом извиваясь среди сухой травы. Все стихло, потом внизу, под холмом, на дороге грозно рывкнул мощный двигатель, и испуганный кролик бросился в сторону моря, подальше от опасного шума, а на западе, над холмом Сейханбахчи, над белыми домиками, утонувшими в зелени садов, блеснула ветвящаяся молния и, немного времени спустя, раскатами заворчал гром. Солнце бросило прощальный луч из-под края тучи на враз потемневшее море, и сразу вокруг все нахмурилось и посуровело. Даже чайки куда-то умчались, перекрикиваясь на лету...

Над аэропортом шел дождь. Гроза, погромыхая и озаря самое себя слепящими сполохами молний, уползла на восток, не признавая границ, которыми люди поделили землю на свою и чужую, а дождь остался. Он нудно шел, то усиливаясь, то ослабевая, но не прекращаясь ни на минуту. Серые растрепанные тучи, белесо подсвеченные аэродромными огнями, нависли над самым летным полем, зацепившись за мачты громоотводов, паутину антенн и башню диспетчерской. Струйки воды сползали по огромным витринным стеклам аэровокзала, и капли прыгали в пузырящихся лужах. Насупившиеся автомашины и автобусы сиротливо мокли на стоянке среди луж, а их владельцы, загнанные дождем под крышу, слонялись по зданию, ожидая прибытия встречаемых ими рейсов. Али, оставив на стоянке старенькую, не раз битую «Волгу» Гейдара, вошел в широко распахнутые стеклянные двери зала ожидания и, неожиданно для себя чихнул, смешно сморщив нос. С него капало, а ноги в мокрых грязных кроссовках неприятно заволодели. Торчать в аэропорту в насквозь промокшем виде ему не улыбалось. «Старый шакал, – с ожесточением подумал он о Гейдаре, – Загнал меня сюда, а сам в тепле и уюте, дома нежится... Эх, черт, по такой погоде в кабаке надо сидеть, пить вино, слушать музыку, с девчонками болтать, а не торчать здесь, в этом дурацком аэропорту, встречая какого-то там шныря». Поднявшись на второй этаж, Али подошел к огромному стеклу и стал смотреть на летное поле и самолеты, застывшие на стоянке, подобные огромным нахохлившимся птицам. На втором этаже было тихо. В углу, под самым потолком, синевато мерцал экран телевизора, показывали последние новости, а на диванчике, скорчившись и подложив себе под голову сумку с каким-то грязным тряпьем, спал бездомный старик. Его драные туфли и отполированная каждодневным использованием суковатая палка, длинная, как посох, валялись рядом, на полу. Какая-то беззащитно-длинная, щетинистая, словно у ощипанной курицы, шея старика судорожно подергивалась, и беззубый запавший рот шамкал что-то беззвучно и слюняво. Правая рука его свисала с диванчика, почти касаясь пола, а левая, перебирая узловатыми грязными пальцами, шарила и шарила, словно черви ползли по грязной рубашке на груди. В раскрытый ворот вывалилась грязно-серая веревочка, на которой, лунно отсвечивая в скудном освещении, висел, покачиваясь, серебряный медальон. Запах давно не мытого тела, мочи и застарелого

перегара коснулся ноздрей Али, и он брезгливо поморщился. Поморщился, и вдруг понял: вот то, что ему сейчас нужно! Этот старик, грязный и бездомный и есть именно то, что даст ему, Али, возможность сбросить с себя поганое чувство неудовлетворенности и раздражения, накопившиеся за этот длинный и почему-то бестолковый день. Мутная жижа, что бурлила, закипая, внутри, внезапно оформилась в конкретное и ясное чувство жажды крови. Уже не видя ничего вокруг, поджарый, тренированно-мускулистый парень, с вставшей внезапно дыбом щеточкой коротко стриженных волос над низким лбом и вспухшими желваками на туго обтянутых скулах, по-волчьи ощерив рот и сжав кулаки, шагнул к диванчику. Его глаза полыхнули желтым, звериным огнем, и он, что есть силы, ударил старика ногой в коленку, ударил расчетливо, прицельно, носком ноги, как будто в футбол играл... Удар был такой силы, что диван с коротким стуком перевернулся и ничего не понявший спросонья старик оказался на полу. Ударившись всем телом об пол, он оглушенно молчал какие-то мгновения, а его колено, словно взорвавшись изнутри, стремительно превращалось в огненный шар. Полумрак перед глазами старика вдруг вспыхнул огненно-желтым всполохом, когда Али, легко перепрыгнув через опрокинутый диван, ударил его с лета ногой в лицо. И тогда старик закричал. Закричал тоненько, визгливо, как-то по-девчачьи, с трудом проталкивая слова сквозь окровавлено слюнявый рот, сквозь мутную мглу страха, застилающего мозг, он беспрерывно, как заведенный причитал: «За что, сынок, за что? За что...» Али, подпрыгнув, словно он был на футбольном поле, вновь, как по мячу, прицельно ударил бездомного, беззащитного старика ногой в висок, в тот самый момент, когда старик, с тяжелым оханьем, попытался подняться на четвереньки. Голова старика, мотнувшись на шее, с каким-то глухим, деревянным стуком, ударилась о следующий диванчик, и старик, удивленно выдохнув, повалился на бок, толкнув диванчик телом. Металлические ножки скрежетнули по каменным плиткам пола и диванчик, грохотнув, отлетел в сторону, натолкнулся на каменную кадку с пальмой и остановился.

– Шакал! Тварь, проклятый шакал, ублюдок! – со свистом выдавил Али сквозь стиснутые зубы. – Я убью тебя, тварь, убью, убью... – Схватив старика за рубаху на груди, Али потянул его кверху и нанес несколько страшных, коротких, прямых ударов в лицо и горло своей жертвы. Методично и расчетливо бил он в бессильно мотавшееся перед ним, залитое кровью лицо, бил так, как бьют, когда хотят убить. С каким-то остервенением заносил он свой измазанный в крови, со сбитыми костяшками пальцев кулак и бил, бил, бил! Откуда-то, издалека, услышал он истеричный женский крик, крик, пробившийся сквозь грохот крови в ушах.

– Ай! Люди! Что же это такое делается?! Мужчины, да сделайте же что-нибудь! Остановите его! Люди! Помогите!

Краем глаза, сквозь кровавый отсвет, увидел он пожилую женщину, судорожно цепляющуюся за седовласого мужчину, оторопело стоящего в полной растерянности, увидел окровавленную кучу вонючего тряпья у своих ног, увидел то, что совсем недавно было человеческим существом и в этот момент, получив сильный удар дубинкой по спине, сам, со сдавленным выкриком, опустился на колени. Чьи-то сильные руки схватили его, и уже щелкнули, фиксируя, наручники, а Али все продолжал выкрикивать что-то совсем нечленораздельное и все порывался пнуть еще раз лежащее перед ним безжизненное тело.

Сильным рывком его поняли на ноги, и он увидел перед собой полицейского. Чуть поодаль стоял еще один, что-то сосредоточенно говоря в рацию. Несколько человек с испуганными лицами толпились за его спиной, одна пожилая женщина обессилено сидела на неизвестно откуда взявшемся стуле, а молодая медсестра в белом халате подносила к ее носу ватку, смоченную нашатырным спиртом. Молодая супружеская пара с ясно читаемым на лицах омерзением разглядывала Али и лежащую у его ног жертву, а холеный мужчина, в отлично сшитом на заказ костюме, припал к видеоискателю видеокамеры, и лиц его выражало что-то вроде оживления. Сильная рука полицейского дернула Али за рукав.

– Пошли, ишак, – недовольно прошипел полицейский и еще раз дернул Али, приводя его в чувство. – Откуда ты тут взялся, сын свиньи и шакала?

– Эй, полегче, – еле проговорил Али, – а то со службы вылетишь! За меня есть кому слово ска... – Он не договорил, получив сильный удар дубинкой по голове.

– Я тебе покажу «слово сказать», – с ненавистью проговорил полицейский. – Ай, шакал, откуда ты такой на свет вылез? Наверное, твоя мать родила тебя по пьяному делу, а отец твой рылся в помойке, вместо того, чтобы воспитывать тебя! Ай, шакал! – еще раз повторил он, таща Али за плечо. Второй полицейский догнал их и, крепко схватив Али за другую руку, чуть ли не бегом потащил его через весь зал ожидания в дежурную часть. В дежурной части полицейские швырнули Али на стул, и тот, что был старше по званию, дрожащей рукой достал из кармана форменной куртки пачку сигарет. Вытащив две сигареты, он дал одну своему напарнику, а другую прикурил сам. Глубоко затянувшись и выпустив вверх струю дыма, он, наконец, обернулся к Али.

– Документы есть? – уже спокойно спросил он и помассировал одной рукой другую. Его напарник включил компьютер и, пододвинув к себе свободный стул, уселся за клавиатуру. «Все, приплыл», – промелькнуло в голове Али, и он, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и даже веско сказал:

– Слушай, брат, давай все решим по-людски. Зачем шум, зачем протокол? Отпусти меня. Штука баксов и все... Вы меня не видели, я тут не был, зачем шуметь, да? Полицейские переглянулись, и старший наряда спросил у Али:

– Слушай, зачем тебе старик этот понадобился, а? При людях... шум поднял. У тебя с головой проблемы?

– Да черт с ним, с бомжарой этим, – громко сказал Али. – Ничего с ним не будет, заживет его рож. Вон, на дождик его выпереть, обмоется, в луже отлежится и всего делов-то. Ну, отпусти, начальник. Если по штуке вам мало, свою сумму назовите. Сейчас позвоню, ребята подгонят столько, сколько скажешь. По две – так по две, по пять – так по пять... Сколько скажешь, столько и будет

– Что-то ты легко деньгами бросаешься, – сказал старший. – Давай-ка, мы лучше кармашки проверим. – С этими словами он ловко обыскал Али и положил на стол перед собой водительское удостоверение, лицензию на право ношения оружия и удостоверение сотрудника частной охранной фирмы, ключи от машины, пачку жевательной резинки и пачку сигарет «Кэмел». Его напарник искоса глянул на стол и спросил:

– Все? – Али спокойно ответил: – Конечно все! А вы что, хотели ствол, наркоту найти? Я приличный человек, таким дерьмом не балуюсь.

– Да, да, конечно, – отрешенно сказал человек за компьютером. – Сейчас мы еще ориентировочки посмотрим, а то, может, ты у нас в розыске?

– Ну, смотри, смотри, – спокойно проговорил Али, а сам, внутренне весь сжавшись, ожидал, что сейчас, вот-вот, раздастся оживленный возглас свидетельствующий о том, что он узнан и на белый свет извлечен весь длинный перечень его игр с законом. В дежурной части повисло напряженное молчание. Так прошло несколько минут, и, наконец, полицейский, сидевший за компьютером, неуверенно произнес: «Вроде ничего за ним нет... Чистенький!»

– Ладно, – задумчиво сказал старший, – ну, что с этим отмороженным делать будем?

– Не знаю, – пожал плечами его напарник. – Он что-то там бормотал...

Услышав эти слова, Али оживился. Разговор переходил в понятную и привычную плоскость. Али надеялся, что сейчас начнется самый обыкновенный торг, тем более, что с его точки зрения, ничего особенного не произошло. Ну, подумаешь, отвязался на бездомном старике, чего тут такого? Никто за этого бича и слова не скажет. Куда он пойдет жаловаться, к кому? У него и документов-то никаких нет, да и живет он чем? Ясное дело – подворовывает. Ходит

весь грязный, заразный, да еще и спать пристроился в этом зале, где приличные люди в чистой одежде ожидают свой рейс...

– Ребята вы браслеты-то мне снимите, – просяще проговорил Али. – Я что, такой опасный? Никуда я не убегу да и, – он усмехнулся, – буянить тоже не собираюсь. Мы же люди-то цивилизованные.

– Ладно, ладно, тебе, цивилизованный, – недовольно проговорил старший. – Старика за что отметелил?

– Да выгнать я его хотел, – быстро проговорил Али. – А он пьяный, драться на меня палкой своей полез. Я его разбудил, говорю: «Уходи отсюда!» А он давай меня крыть по всякому, мать мою задел, вот я и не сдержался.

– Хм, ловок, шайтан! – одобрительно проговорил старший и, подойдя к Али, снял с него наручники. – Ну что, протокол составлять будем? – обратился он к напарнику. – За нарушение общественного порядка?

– Ай, слушай, брат, зачем тебе бумажки эти нужны? – начал было Али и замолчал, потому что дверь широко распахнулась и в дежурку зашел тот, давешний, с видеокамерой весь из себя в своем костюме.

– Эй, эй, эй! Какого... – крикнул старший и тут же замолчал, нарвавшись на начальственный голос вошедшего.

– Вы что, шакалы паршивые? – тихо, с угрозой, проговорил мужчина с видеокамерой. – Я что, из-за вас, псы, должен министра беспокоить? А ну, быстро убрать труп из зала! Это же, сыны ишаков, аэропорт, сюда международные рейсы принимают, а у вас покойник, кровища кругом! Сейчас с московского рейса начнут выходить... Вы что, всю страну загадить решили? Да я вас с дерьмом смешаю!!!

– Какой труп? – недоуменно спросил старший, – откуда?

– Оттуда! – рявкнул на него мужчина с видеокамерой, – который этот отморозок сделал. – Он ткнул пальцем в сторону Али. – Кстати, почему без наручников?

– А, собственно говоря, кто вы такой? – стараясь не терять достоинства спросил полицейский, продолжавший сидеть за компьютером, хотя было видно, что он весь кипит от возмущения.

– Кто я такой? – возмущенно переспросил мужчина. – Ты не знаешь кто я такой? Ну, так сейчас узнаешь! – Он залез во внутренний карман своего отлично пошитого пиджака и достал оттуда корочку роскошного тиснения. Сунув удостоверение в самый нос старшему наряда он приказал: «Читай!» Старший наряда, увидев «депутат меджлиса», тут же вскочил и, вытянувшись по струнке, взял под козырек.

– Есть господин депутат! Слушаюсь, господин депутат! – Зыркнув на Али так, что Али вжался в стул, он снял с ремня наручники и, обратившись к Али, рявкнул: – Руки! – Опешивший Али безропотно дал надеть на себя наручники, причем старший наряда, ловко и умело поставив его на колени, приковал его к трубе парового отопления. – Стой здесь, сволочь, и не дергайся, – прошипел он и по радиации вызвал патрульных, которые были снаружи здания.

Телефонный звонок поднял Гейдара с постели далеко полночь. Взяв трубку, он сонно и недовольно проговорил: «Да! В чем дело? Я слушаю!» Но от слов Ядуллы, а это звонил он, сон с Гейдара мгновенно слетел, словно и не спал он вовсе.

– Повтори, повтори, что ты сказал, – встревоженно проговорил он и плотнее прижал трубку к уху. – Как потерял? Да ты что?

– Ничего, что слышал! – со злостью ответил Ядулла. – Али замели, а кто мне этого шныря покажет? Я ждал на стоянке, рейс прибыл, все вышли, ну со стамбульского, а ко мне никто не подошел. Я подождал еще немного, потом пошел в аэровокзал, думал, Али там, с этим, ну, которого встретить надо, беседует. Зашел, а там кипеж в полный рост, разборки какие-то... Я туда-сюда, в дежурку даже к охране сунулся, так и так, в общем, гоню им, что я родственника

ищу, должен здесь в аэропорту быть, а они мне, что никого уже тут нет. Ну, я туда-сюда, гляжу, у служебных ворот «ворон» и труповозка, а потом смотрю, Али в браслетах вывели... Я ждать не стал, в тачку и дернул оттуда. Вот, из дома тебе звоню.

– А, черт бы вас всех взял, идиоты, – почти простонал Гейдар, вылезая из постели. – А моя машина где?

– На стоянке, в аэропорту, где же еще... – сказал Ядулла на том конце провода. – Как я ее тебе оттуда заберу?

– Ладно, хорошо! – Гейдар что есть силы потер лицо, прогоняя остатки сна. Ты, давай ко мне подъезжай, а я пока кое-кого дерну. Жду тебя!

– Хорошо, – сказал Ядулла и повесил трубку. Гейдар, не включая света, взял сигарету и закурил. Ситуация неожиданно осложнилась. «Проклятый ублюдок,» – с остервенением подумал он об Али. Чувствовал он, сердцем чувствовал в последнее время, что с этим ишаком, с этим наркоманом даже близко нельзя дел иметь. Но... уговорили, упростили! Как же, пусть и дальний, а все же родственник, нельзя его бросить, надо к делу пристраивать. Сколько он, интересно, таких вот родственников к делу пристроил? И не перечить. Со всеми все нормально, а вот Али этот его подвел. Ай, как крупно подвел. Так подвел, что теперь все на волоске повисло, весь тщательно налаженный бизнес. Что он теперь там болтает, одному Аллаху известно. А ведь как все хорошо организовано было, как хорошо...

Уже несколько лет прошло с того самого дня, как Гейдар принял для себя судьбоносное решение. Все его кореша тогда в большие дела полезли. Умели, не умели, а полезли. А он, Гейдар, тогда умно поступил. Армия разваливалась, подработать многие хотели, оружия было... видимо-невидимо. Вот и стал он посредником между теми, кто это оружие продать хотел и теми, кто хотел купить. Не светился, не жировал, деньги в дело вкладывал, заботливо лепил, кирпичик к кирпичику! Прошли годы, и вот результат. Где они, те, кто тогда взлетел, рассыпая блеск и искры, как новогодний салют? Куда подевались? Со своей охраной, своими бойцами, своими миллиардными оборотами? Помогли им их роскошные иномарки, их шальные деньги? Не помогли. Никого из тех, кто тогда начинал, и в помине нет. Одни могилы... И убивали-то друг друга, ну не смешно ли, из тех стволов, что он, Гейдар, им подгонял. Их нет, а он остался. Время доказало его правоту. А деньгами сорить... пусть дураки в глаза лезут! За эти годы он понял, что есть только одна непреложная истина: дороже покоя ничего нет. А зависть людская... вот она-то покоя и лишает. Живи тогда и трясись, а вдруг завистник тебе подножку поставит? Поэтому и жил аскетом. Старенький потрепанный пиджачишко носил и брючата такие же, а денег имел... Половину города мог купить, да что там половину – весь город ему по зубам был. В глаза не лез, а в помощи никому не отказывал, на прикорм многих посадил. Вот и думал он сейчас, кому позвонить, кого дернуть, чтобы не болтал Али, не трепался о том, о чем не следует. Докурив сигарету, Гейдар включил в комнате свет и набрал номер. Тофик ему сейчас нужен был, вот кто. Тофик в уголковке, чин пусть и не очень большой, но для этого дела хватит. Не беспокоить же, в самом деле, больших людей.

Набрав номер домашнего телефона Тофика, Гейдар терпеливо ждал, считая про себя гудки. Наконец в трубке щелкнуло, и сонный недовольный женский голос хрипло и испуганно произнес: «Алло?»

– Мне Тофик нужен, – безмятежно сказал Гейдар. – Где он?

– Какой Тофик? – возмущенно произнесла женщина. – Вы хоть знаете, который час?

– Знаю, – спокойно ответил Гейдар. – Я же сказал: мне Тофик нужен!

– Слушаю. – Тофик взял трубку. – Кто это?

– А-а! Здравствуй, дорогой! – Гейдар усмехнулся, представив заспанное и помятое, похожее на свиной окорок, испуганное лицо Тофика. – Это я, Гейдар.

– А, черт, – было слышно, как Тофик прокашлялся, – здравствуй, дорогой! Что-то случилось?

– Конечно, конечно, дорогой, родственник в беду попал. – Гейдар не глядя протянул руку и взял следующую сигарету. – Тут, Тофик, понимаешь, я и сам толком не знаю, что, кто, зачем... Поехал он в аэропорт родственника встречать, я ему машину дал, а потом звонит знакомый, говорит, видел, как парня в «воронок» сажают... Ты уж постарайся, узнай, что случилось. Сам знаешь: за мной не пропадет! А, Тофик?

– Хорошо, дорогой, хорошо. Сейчас своим позвоню, узнаю. Как, ты говоришь, фамилия твоего родственника?

– Мамедов. Али Султан Мамедов. Это двоюродный племянник со стороны моей жены. Ну, так узнаешь? – Гейдар переложил трубку в другую руку. – С ребятами будешь говорить, хоть узнай, что он там рассказывает про то, что там натворил, хорошо?

– Ладно, сейчас узнаю и тебе перезвоню, – неохотно сказал Тофик. – Давай, пока!

– Ну, пока, – сказал Гейдар и повесил трубку. Встав, он подошел к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, посмотрел на свой сад и виноград, сплошным ковром затянувший вешала. Неяркий свет, падавший из окна, смутно освещал мокрые ветви деревьев, на которых шумела, мотаясь под порывами ветра смешанного с дождем, листва. А Тофик, широко зевнув, вылез из-под одеяла, поёживаясь прошлёпал на кухню и поставил чайник на плиту. Дождь барабанил по окну и сиротливо мокли сонные машины во дворе.

В это же время Стас стоял в коридоре гостиницы там, где огромные витринные стекла сходились углом, и тоскливо смотрел на безлюдные улицы, оранжево подсвеченные фонарями, которые отражались в мокрой мостовой. Дождь, который встретил Стаса в аэропорту, здесь, в городе как-то спрятался среди многоэтажных зданий и не был столь пугающе неукротим, как там, на побережье, где сквозь грохот авиационных турбин доносился ровный неумолчный шум прибоя, и тянуло свежим запахом моря, смешанным с запахом авиационного керосина. Странная получилась поездка у Стаса. Перед вылетом из Москвы, уже когда была оформлена гостевая виза в азербайджанском посольстве, к Стасу домой приехал некий Алимхан, доверенное лицо тех людей, к которым обратился за содействием Храмов и сказал, что Стаса в Баку будут встречать. Какой-то там то ли Гейдар, то ли Гаджи, в общем, кто-то из местных. Никаких проблем возникнуть вроде бы не должно, потому что встречающая сторона берет на себя все заботы о Стасе и за всё заплачено. Но в аэропорту Стаса никто не встретил. Тогда Стасу пришлось на свой страх и риск уехать на такси в город, за пятьдесят километров от аэропорта и там уже устраиваться в гостиницу. Спасибо, что хоть были свободные номера, правда, баснословно дорогие. В планы Стаса не входило оплачивать свое проживание где бы то ни было, и теперь он с тревогой подсчитывал оставшиеся у него деньги, потому что если возникли какие-то осложнения, Стасу могло хватить только-только, в самый обрез, на обратную дорогу. О том, что он будет говорить Храмову, если не выполнит порученное дело и бесславно вернется к себе домой, Стас старался не думать. Он прекрасно отдавал себе отчет, что вот так, на ура, проникнуть в горы и отыскать там, среди тысяч квадратных километров вздыбленных скал и непроходимых лесов Мари Кристман ему вряд ли удастся. Его должны были встретить и передать тем людям, которые обеспечили бы ему возможность выполнения той работы, ради которой он, собственно говоря, и прилетел на Кавказ. И если что-то пошло не так, как первоначально планировалось, то у него, у Стаса, положение становилось затруднительным. Оказаться вот так, одному, в абсолютно незнакомом городе, в который и прибыл-то он, можно сказать, почти инкогнито... «Вот так и бывает всегда», – с тоской подумал Стас, глядя с высоты четвертого этажа вниз, на пустые ночные улицы, по которым, изредка отблескивая лучами фар в лужах, проносились, разбрызгивая воду, автомашины. – «Всегда, что плохо начинается – и продолжается плохо». Почему-то Стасу не хотелось сидеть в номере, окна которого выходили на парк. Ему казалось, что, стоя здесь, в коридоре, около огромных, сходящихся углом окон, он как-то сможет разобраться во всей этой неразберихе, о которой он и не подозревал, когда шел на посадку, и что если он будет продолжать здесь стоять, то вот-вот из-за угла коридора вый-

дет человек, который, подойдя к нему, весело улыбнется и скажет: «Стас? Ну, наконец-то! Я чертовски рад тебя видеть...» Но, увы, все это было не более чем просто приятные мечты. Нет, конечно, он мог с утра отправиться в аэропорт и улететь обратно. А вот этого Стас вовсе не хотел делать, ибо в противном случае ему пришлось бы признать, что он просто-напросто не в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу.

Задумчиво почесав затылок, Стас, бросив прощальный взгляд в окно, повернулся и пошел по коридору в свой номер. Войдя и плотно закрыв за собой дверь, он уселся, не раздеваясь, на кровать и, раскрыв свою дорожную сумку, с тоской осмотрел ее содержимое. К сожалению, он был так беспечен и так полагался на обязательность тех, кто должен был встретить его, что в его сумке, кроме вещей и аппаратуры, не оказалось ни крошки съестного. Стас взглянул на наручные часы, которые он еще в аэропорту перевел на местное время. Стрелки подбирались к половине третьего ночи, а в такое время надежда на то, что бар на первом этаже еще работает, была очень слаба. Тем не менее, Стас, почувствовав, что он не на шутку проголодался, решительно встал и вышел из номера. Пройдя по коридору к лифту, он несколько раз нажал кнопку лифта, впрочем, безуспешно и пошагал вниз по уже затемненной лестнице.

На первом этаже было тихо. Портье дремал за стойкой, положив на скрещенные руки голову, а полицейский, охранявший вход, дремал на диванчике, подложив под голову маленькую подушечку и накрывшись форменной тужуркой. С большим трудом Стиву удалось разбудить портье, который спросонья долго не мог понять, чего хочет от него этот странный парень, а когда понял, то на его лице расплылась широкая улыбка. Портье, непрерывно повторяя почему-то «Айн момент», нагнулся куда-то под стойку и, подобно фокуснику, извлек из ниоткуда пакет с помидорами, кусок холодной вареной баранины и початую бутылку с изображением московского кремля. Потом, оттуда же, на свет божий появился относительно чистый стакан, заварной чайник, тарелка и нож. Быстро и ловко портье нарезал помидоры и, плеснув в стакан чуть больше чем на палец прозрачной жидкости, пододвинул все это Стасу, предложив выпить за здоровье его какого-то родственника, у которого вчера был юбилей, с коего портье и прибыл на работу, чисто случайно прихватив с собой этот джентльменский набор. Стас, глубоко вздохнув, влил в себя обжигающую жидкость и какое-то мгновение сидел весь побагровевший, не в силах перевести дух, а когда, наконец, обрел дар речи, то портье весело объяснил ему, что его родственник работает на спиртзаводе, откуда и обеспечил застолье по поводу своего юбилея дармовой выпивкой. Охранник тоже проснулся и, помявшись немного, присоединился к ним, а спустя полчаса он уже рассказывал о своих студенческих похождениях и со слезами на глазах вспоминал о том славном времени, когда учился в Губинке.

Приехав в управление, Тофик оставил машину около входа, рядом со служебными машинами и, небрежно козырнув дежурному на входе, прошел к себе в отдел. Оперативник, попавшийся ему навстречу в коридоре, сказал, что сопроводилки лежат на столе у дежурного следователя, и Тофик, буркнув что-то нечленораздельное, быстро прошел в кабинет, в котором было жутко накурено, и на колченогом столе возле дивана стояли грязные чашки из-под чая и заварной чайник с треснувшей крышкой.

Брезгливо оглядев это непрезентабельное убранство, Тофик взял со стола папку с протоколами и начал быстро просматривать бумаги, беззвучно шевеля губами. Найдя нужный протокол, он отложил его в сторону, а все остальное убрал в папку. Протокол был уже зарегистрирован, и это несколько осложняло дело, если бы Тофику надо было отпустить этого парня, поэтому Тофик, приняв деловой вид, вышел в коридор, ища дежурного следователя. Из соседнего кабинета доносились оживленные голоса, изредка прерываемые взрывами здорового жизнерадостного смеха. Тофик, с деловым видом приоткрыв дверь в кабинет, переступил порог и остановился в сразу наступившей тишине.

– Всем привет, – бодро произнес Тофик, небрежно взмахнув рукой.

– Здравствуйте. Здравствуйте, Тофик Вагифович! – вразной отозвались голоса. Тофик, поманив дежурного следователя, вышел в коридор. Тот, выйдя следом за ним, уставился на него с выражением ожидания на лице.

– Слушай, Тагир, – проникновенно сказал Тофик, – где у тебя этот, как его, Мамедов, ну, которого из аэропорта привезли?

– Какой Мамедов? – недоуменно переспросил Тагир, – А, Мамедов... По убою который проходит? В седьмой камере, в одиночке.

– Ты с ним говорил? – небрежно спросил Тофик. – Чего он тебе плел?

– Ай, Слушай, Тофик Вагифович, – возмущенно развел руками Тагир. – Когда мне с ними работать, дай принять, да зарегистрировать, да с бумажками этими разобраться. Вот рабочий день начнется, сам раскинешь. Кого мне, кого Мирзоеву... Успеем еще с этими уродами побеседовать. А с этим Мамедовым и говорить не о чем. Отмороженный он какой-то. Старика там бездомного забил насмерть! О чем с таким говорить?

– Да уж, действительно, – сочувственно проговорил Тофик. – Ладно, я в своем кабинете, если понадобится. Хорошо?

– Ага, – согласно кивнул Тагир и нырнул в дверь кабинета, а Тофик, пройдя чуть дальше по коридору, аккуратно снял печать с двери и, достав из кармана ключи, начал свой рабочий день. Настенные часы показывали пять часов тридцать минут утра. Подумав, Тофик протянул руку к телефону и набрал номер Гейдара. На том конце трубку взяли сразу. «Ждет Гейдар, волнуется», – усмехнулся про себя Тофик, – «видать зацепило его сильно». Ну да ладно, не его, Тофика, это дело. Попросили узнать, узнал, теперь послушаем, что еще от него нужно.

– Гейдар? – спросил Тофик. – Ты слушаешь?

– Да! – голос Гейдара был раздраженным. – Почему так долго не звонил?

– Извини, дорогой, – Тофик зевнул. – Ты мне устроил начало рабочего дня на четыре часа раньше, чем обычно.

– Ничего, переживешь, – сказал Гейдар. – Что скажешь?

– А что я скажу? – пожал плечами Тофик, – ничего интересного. Согласно протоколу, в аэропорту его взяли с поличным на месте преступления!

– Я понимаю, что он не леденец там облизывал, – со злостью сказал Гейдар. – Не тяни!

– В общем, на нем убийство! – Тофик был холоден, как айсберг. – И если ты хочешь, чтобы я его вытащил, то из этого ничего не выйдет. Протокол задержания есть, в нашей документации он уже зарегистрирован, правда, этого Мамедова еще не допрашивали. Я вот сейчас сижу, думаю, кому его подсунуть, ну, я имею в виду, из следователей. А что ты хочешь?

– Я ничего не хочу, – сказал Гейдар. – Я, дорогой мой, ничего не хочу. У меня все, что мне надо, есть. И меньше всего я хочу неприятностей из-за этого наркомана. Ты меня понимаешь, Тофик? Когда у него начнется ломка, он твоим операм и следователям расскажет то, что было и чего не было. Недалеко и до беды от такого говорливого. Он ведь и про тебя может сказать...

– Откуда он... – начал Тофик и не закончил фразу. – Ты хочешь сказать, что он про меня знает? Ну и г... же ты, Гейдар!

– Не трещи, – спокойно проговорил Гейдар. – Я не могу тебе гарантировать, что он не в курсе этих дел, поэтому, дорогой мой, в твоих же интересах сделать так, чтобы никто, никогда, ты слышишь, никогда, не смог допросить его. Ты меня понял?

– Понял, – сказал Тофик и облизал враз пересохшие губы. – Да, я тебя понял...

– Ну, вот и отлично, – Гейдар улыбнулся. – Сделай это, и я твой должник по гроб дней моих. Шучу, шучу! На пяти штуках сговоримся?

– Семь, – хрипло выдавил Тофик. Людям надо дать будет...

– Ну, семь, так семь, – спокойно согласился Гейдар. – Вечерком позвонишь мне? Из дома. Ну, давай, пока, – он положил трубку. Тофик услышал короткие гудки отбоя и, положив трубку на рычаг, вытер дрожащей рукой враз вспотевший лоб. «Ладно», – сказал сам себе Тофик

и бросил короткий взгляд на часы. Надо было поторапливаться. Когда начнется рабочий день, и все соберутся в отделе, он уже не сможет сделать так, чтобы этого Мамедова не трогали. На оперативке начальство обязательно потребует отчета обо всех происшествиях, задержаниях и о том, распределил ли он задержанных по следователям. Отвертеться не удастся. Поэтому, если уж он решил что-то делать, то, делать это надо сейчас, не откладывая. Решительно хлопнув ладонью по колену, Тофик встал из-за стола и, выйдя из кабинета, тщательно запер за собой на ключ дверь. Держа свернутый в трубочку протокол задержания, Тофик спустился на первый этаж и, зайдя в дежурку, огляделся, небрежно козырнув в ответ на приветствие прапорщика, сидевшего за столом с селектором.

– С кем дежуришь сегодня? – спросил он, подойдя к расписанию на стене и внимательно изучая его. – Так, так! Подполковник Гафизов... – Он обернулся к прапорщику и, весело поглядев на него, спросил: – Сержант Нефедов в твоей смене?

– В моей, Тофик Вагифович, – ответил, потягиваясь, прапорщик. – Он сейчас внизу, там, где камеры с задержанными. Он что, нужен?

– Да нет, не сейчас, – небрежно ответил Тофик. – Это уж когда сменится. Ты ему тогда скажи, пусть ко мне зайдет. Оперативка в девять начнется, так что успеет, ну ладно, пойду я!

– Ага! Хорошо Тофик Вагифович, – быстро проговорил прапорщик, протягивая руку к телефонной трубке, потому что в этот момент резко и требовательно загудел зуммер вызова. Выйдя за дверь и плотно прикрыв ее за собой, Тофик чуть-чуть задержался, прислушиваясь к разговору дежурного и решительно направился к лестнице, ведущей в подвал, туда, где были камеры.

Выйдя из дежурки, Тофик повернул к лестнице, ведущей вниз, в подвал, туда, где были камеры предварительного заключения. Здание Управления было старым, и обшарпанные стены, с кое-где облупившейся до самого кирпича штукатуркой, поросли какими-то белесыми махрами, то ли соль выступила, то ли плесень пробилась. Но Тофик лишь скользнул по этому зрелищу упадка и развала привычным взором, весь погруженный в свои мысли. Нефедов был, с точки зрения Тофика, парень неплохой. Во всяком случае, выгоду свою чувствовал издали и никогда ее не упускал. Такие люди Тофику нравились. С ними можно было иметь дело. Хотя и опасны они были по-своему... Но опасности пока от Нефедова Тофик не видел, к тому же Нефедов был многим обязан Тофику. Пару лет тому назад, когда начались чистки в рядах защитников правопорядка, Тофик отмазал Нефедова из-под сокращения и при случае не упускал возможности напомнить ему об этом. Понятно, что Нефедову это не нравилось, и он потихоньку начал скалить зубы, а Тофик, как тонкий психолог, доведя Нефедова до того момента, когда он уже был готов вцепиться ему, Тофику, в горло, тихо и доверительно переговорил с ним и предложил партнерство. И убил сразу двух зайцев. Нефедов счел, что он напугал Тофика и предложенное сотрудничество принял, как само собой разумеющееся, а, замазавшись, уже сам стал бояться разоблачения, и Тофик, взяв его под свой патронаж, приобрел верного человечка. Конечно, не один Нефедов был у Тофика в прихвате, для разных дел ведь разные люди нужны, но Нефедова Тофик ценил. За те годы, что вместе они проработали в органах, Нефедов приучился беспрекословно выполнять те распоряжения, что отдавал ему Тофик. А уж дураком-то Тофик никогда не был. Каждую операцию планировал тщательно, до мелочей. И если уж подставлял кого, то только не своих людей. Своих людей Тофик берег как зеницу ока, вплоть до того, что и в быту заставлял их вести себя прилично. Хороший офицер был Тофик, умный. Знал, где лизнуть, а где и гавкнуть. И благодаря этому сам по службе шел и людей своих за собой тащил...

Спустившись по железной, громыхающей под каблуками, лестнице, в подвал, Тофик громко крикнул: «Нефедов!» – и крик его гулким мячиком скакнул по коридору. «Нефедов!» – еще раз крикнул Тофик сквозь решетку, и откуда-то из-за угла коридора от туалетов донеслось недовольное: «Ну, здесь я, здесь. Чего орать-то?»

– Не орать тебе надо, а из пушки стрелять, – недовольно проговорил Тофик, дождавшись, когда из-за угла появится кряжистая, с головой, вросшей в тяжелые борцовские плечи, фигура в пятнисто-стальной форме. Толстые ноги в берцах ступали чуть косолапо, а руки были такой длины, что, казалось, свисали ниже колен. «Ну и горилла» – неприязненно подумал Тофик, но вслух деловито произнес: «Привет!»

– Приветствую, Тофик Вагифович, – увесисто сказал сержант Нефедов и широко, во весь рот, зевнул, дыхнув на Тофика запахом перегара и какой-то трупной гнили. Тофик едва заметно поморщился.

– Зубы по утрам чистить надо, – наставительно произнес Тофик. – Ты же все-таки лицо закона! – он усмехнулся. – А то урки о тебе плохо подумают...

– Мне их думы по фенечке, – повел плечами Нефедов. – Кого надо-то?

– Да от замороженного одного, – спокойно сказал Тофик, – ты дверцу-то мне открой!

– А? Да-да, сейчас. – Нефедов забренчал ключами. Замок клацнул. – Сейчас, – Нефедов зашел в свою дежурку и нажал кнопку открывания. Реле щелкнуло, и Тофик, толкнув дверь, вошел в коридор.

– Ты один что ли, – спросил он Нефедова. – Напарник-то где?

– Дрыхнет, – равнодушно ответил Нефедов. – Да я что, маленькая девочка, что ли? Меня караулить незачем.

– Инструкцию нарушаешь... – Тофик погрозил ему пальцем, – Нехорошо! Почему напарник спит?

– Да черт бы с ним, пусть проспится, – махнул рукой Нефедов. – Баламут, пить не умеет, а туда же...

– Можно подумать, – усмехнулся Тофик, – что кто-то пить умеет. Любой человек, когда пьяный, дураком становится, кто в большей, кто в меньшей степени. – Он тяжело вздохнул. – Ты сам-то как? Никого спяну тут не задавил?

– Нет, к сожалению, – вздохнул Нефедов, – хотя порой очень хочется. Они, уроды эти, у меня в печенке сидят!

– Вот-вот, – подхватил Тофик. – Мы тут корячимся, на пули лезем, а как до суда доходит... Сидят эти чистоплюйчики, кобелятся! Вы, дескать, улики притянули, признание выколотили, адвокаты тоже, дерьмом нас поливают! Как работать, а?

– И не говори, Тофик Вагифович, – сочувственно поддержал его Нефедов. – Совсем плохо работать стало! Совсем! – Он помолчал, потом спросил. – Ну, кого доставать-то?

– Да вот, привезли ночью одного, – Тофик замялся, – Мамедов вроде... Он у тебя в каком номере?

– В персональном, – хохотнул Нефедов, – в семерке. А что? Мне опера сказали – на общак ни-ни, вроде убой на нем!

– Правильно сказали, – Тофик ласково взял Нефедова под локоть. – А знаешь кого он грохнул?

– Да кто его знает, – пожал плечами Нефедов, – я особо не интересовался. А кого?

– Деда какого-то, да и дед-то так, случайно на глаза ему попался, – веско сказал Тофик. – И при этом, когда его брали, кричал, что всех кончит! Понял? Он тут как, не орал? А то в аэропорту он всем грозил, что за него есть кому заступиться, что он всех нас поимеет, разгонит и со службы поувольняет.

– Вот сучонок! – возмущенно сказал Нефедов. – Чего ж мне опера сразу не сказали, а? Эта тварь от замороженная у меня бы до самого утра белочкой по камере прыгала!

– Не стоит, – пробормотал Тофик. – Его с поличным взяли, свидетелей – шквал. Даже видеозапись есть. Признанку из него выбивать не надо. Тут в другом дело...

– Короче! – Нефедов искоса взглянул на Тофика и обвел рукой вокруг шеи. – Так?!

– Вай, слушай, Нефедов, что мне в тебе больше всего нравится, так это то, что ты умный! – восхищенно сказал Тофик. – Все что надо, сам понял!

– Э, Тофик Вагифович, – махнул рукой Нефедов, – мы ведь с тобой не первый год вместе служим. Раз надо...

– Да, дорогой мой, надо! – сказал Тофик. – Люди позвонили, попросили. Не нужен им он. Две штуки дают!

– Местных? -недовольно спросил Нефедов.-Я чего, лох?

– Каких местных? – возмущенно сказал Тофик. – Меня что, попросили водительское удостоверение вернуть?

– Слушай, Тофик Вагифович, – пристально взглянул ему в глаза Нефедов. – А не мало ли две-то? Все-таки не подушку выбить...

– За подушку тебя жена поцелует, – спокойно сказал Тофик. – Это тебе что, президент что ли? За этого наркота на большее и не рассчитывай. Давай-ка, лучше дело сделаем! Но по уму, понял! Наркоман он, неуравновешенный! Ну и все в этом духе.

– Конечно, понял, – спокойно сказал Нефедов и, воровато оглянувшись, быстро закрыл решетку на замок. – Ты тут побудь, в дежурке, – сквозь зубы пробормотал он и тяжелой развалистой походкой направился в сторону камеры номер семь.

Всякое бывало в короткой жизни Али. Всего напробовався, все повидал, еще с малолетки начиная. Рос он пацаненком шепутным, хулиганистым. Да и чего можно было ждать от шпанца, рожденного в Черном городе, у подножия Нагорного парка, где еще в старые добрые времена и сходняки устраивались, и стрелки набивались. Вот и выпитывал подрастающий Али всю эту романтику, а потом и сам таким романтиком стал. Пока мал был, подворовывал по мелочам; как постарше стал, к воровству мелкий рэкет прибавился, а там и пошло и покатилося. Смотрел Али на своих сверстников, что от мам-пап жалкие копейки на мороженое выклянчивали, и искренне недоумевал. Деньги-то, вот они, прямо под ногами, бери, не хочу. Только сильным надо быть, прогнать прочь от себя слюняйство, пусть тебя боятся, а не ты! Погруженный в свой, сумеречный мир, недоступный никому, кроме таких же как и он сам, краем глаза видел, как тяжело приходилось матери и отцу, вечно озабоченным тем, где взять денег на жизнь, но не сочувствовал им, а презирал их за бесхребетность, слюняйство, неумение взять быка за рога. Себя же считал парнем фартовым. Не понимал Али, как можно жить на такие бабки, что он за вечер на развлечения тратил, целый месяц, как можно, приходя с работы, лечь спать полуголодным... Не понимал Али такой жизни, хоть убей его, не понимал. Да и не хотел понимать. Воспитанный на волчьих законах улицы, Али рано понял, что этим миром правит страх. Тогда и обзавелся он ножичком. Ходил, сжимая рукоятку в кармане потной ладошкой, ходил и ждал случая пустить его в ход. На рожон лез, желая самоутверждения, признания своей силы и лихости желая. Посверкивая желтоватым волчьим огоньком в глазах, чуть что выхватывал свое перышко и радостно видел, как взрослые, серьезные мужики испуганно опускали глаза. Страх правил миром, страх! Ни разу ему еще отпора никто не дал, серьезного такого отпора, чтобы понял он, что на его волчью злую силу есть и другая сила, которая может сломать его и исковеркать. Вот и доигрался Али ножичком... Полоснул мужика какого-то, да и ни за что полоснул, просто так, бахвальства ради. На этом все и кончилось, или же наоборот, началось... Взяли опера его быстро, да он и не скрывался, гоголем по улице ходил, упивался всеобщим страхом, что ясно читался в глазах окружающих, а тут «воронок». В отделе обработали его так, что лучше и не вспоминать. Все он тогда подписал, в полную признанку пошел, лишь бы не били. Ну и дали ему тогда, по совокупности, четыре года. Ушел на малолетку шпанец Али, а вернулся уже матереющий волчонок, годовичок. И зубки окрепли и коготки. Многие из тех, кто с ним срок первый мотал, испугались, раскаялись, слюни пустили, за красные повязки да за актив были готовы хозяину все вылизать, но не таков Али был. Не согнуть его было. Не слюняй! Топтал зону, щерился, а своё на уме держал. Четыре года от звонка до звонка

отбыл, на компромисс с гражданами начальниками не шел, но, правда, и буром не пер. Вышел вчистую. Характеристика у него была не ах, поэтому на воле за него сразу взялись, под колпак посадили. Но не мог Али, не мог принять ту жизнь, что навязать ему пытались. Не та натура у него была. Через полгода его опять посадили, теперь уже семерик сунули. Так вот и получилось, что вышел Али на волю когда уже в полный рост новая жизнь шла, и вышел не тем сосунком, что был когда-то, а матерым волчищем уже вышел. Свел знакомства, какие надо, готовился не повторять прежних ошибок, поумнел! Поумнел-то поумнел, да времена другие настали. Блатные все в легальный бизнес подались, понабрали себе быков из чистеньких, не свеченых... Из студентов, ментов опальных, другая, одним словом, жизнь поперла. И оказался Али временно как бы не у дел. Все стороной проходило, а в руки не шло. Плохую шутку жизнь с ним сыграла. Теперь та репутация, которой он гордился, ему ходу и не давала. Следующую высоту жизнь перед ним ставила: стать волком среди волков, волком, который другим волкам глотки рвет! Но выбиться так, по-простому; было невозможно. Надо было или свою группировку создавать или же в чью-то идти. К кому-то, кто его знает, и не на последнюю роль. И пока разбирался он что почём, вел себя тихо, не борзел, как когда-то. Сидел себе дома сиднем, а мать из сил выбивалась, сыночка кормила. Отец-то из жизни ушел, еще когда Али первый срок мотал. На работу Али не брали, прежним корешам он теперь не по масти был, но не зря Али сам себя фартовым парнем считал. Встретила его мать как-то на базаре свою двоюродную сестру, Валиду, да и поплакалась ей в жилетку, а через день ему дядя Гейдар позвонил, сказал куда прийти... С того дня и началась нормальная жизнь. Делал Али что говорили, снятые бабки все до копейки отдавал, ничего себе не брал, но дядя Гейдар его не обижал, и через полгодика Али было и не узнать. Отьелся, силу обрел и вес определенный, «БМВ» себе купил, цепочки золотые, там цацки всякие. В общем, на человека стал походить. А вот норов свой дурной так не смог в узду взять. Как был волчарой, так им и оставался. Что надо делал, а свое в уме держал. Ждал часа своего, чтобы дело в свои руки взять, чтобы по-своему игру повести.

Замок в двери камеры щелкнул тихо-тихо, даже не щелкнул, а шепнул с присвистом. Али поразился этому. Везде замки лязгают, как стальные челюсти капкана, а здесь, словно он в больничном покое оказался, тихонько шептали что-то свое. Из коридора в камеру вошел огромный, гориллообразный детина в форме. Али открыл рот, чтобы спросить у него, скоро ли его позовут к следователю и, может, и сигарету спросить, потому что опера сигареты у него отобрали, и в тот же момент, получив сокрушительный удар в лоб открытой ладонью, полетел во тьму. А детина, протянув руку, словно пружина выстрелила, ловко схватил Али за ворот, не дав ему упасть и удержал его на весу. Аккуратно уложив Али на пол, сержант Нефедов довольно ухмыльнулся и потянул из своего кармана узенький поясной ремень, но, подумав, отвернул пояс спортивных брюк Али. Интуиция его не подвела и на этот раз. С внутренней стороны пояс, помимо резинки, был стянут плетеным синтетическим шнурком. А шнурки эти выдерживали вес под сотню килограмм. Нефедов это знал очень хорошо, потому что не так давно на тренировке в спортзале на таком же точно шнурке, на спор, зубами, поднял стокилограммовую штангу. Быстро выдернув шнурок из пояса, Нефедов привязал его к идущей под потолком трубе, с которой посыпалась на пол сочащаяся влагой ржавая окалина. Потянув за шнурок, он убедился, что труба выдержит и, сделав на свободном конце петлю, легко, как ребенка, приподнял Али с пола одной рукой и засунул его головой в петлю. А потом легонько потянул его вниз. Шнурок натянулся как струна и задергался, когда Али бешено засучил ногами и захрипел. Руки его взметнулись вверх, к горлу, разорвать шнурок, освободить дыхание, но было уже поздно. Али показалось, что голова его взорвалась, а потом, как бы вознаграждая его за смертную муку, природа послала ему миг небывалого счастья. Умиравший мозг произвел огромное количество эндоморфина, и испытав небывалый, чудовищный по своей силе оргазм, Али умер!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.